Я научу тебя летать

Автор:

Ева Ночь

Я научу тебя летать

Ева Ночь

Семейка Драконовых #2

Он – харизматичный негодяй, циник и бабник. Завидный жених с элитной невестой в довесок. Я – обычная училка, которую бросил... (запикано цензурой: как ни назови – выходит ругательно). Более непохожих людей найти трудно. Но, может, всё дело в притяжении противоположностей? Потому что только рядом с ним у меня вырастают крылья и хочется летать!

Ева Ночь

Я научу тебя летать

Глава 1

Варя

Неприятности катятся как лавина с высоких гор. Стоит лишь одному крохотному недоразумению затесаться в твою жизнь, как тут же вырастают проблемищи вселенского масштаба.

Всё началось с вызова к директору на «ковёр».

– Никитина? – голос у Льва Моисеевича как из бочки – глухой, но рокочущий. Зевс-громовержец – так зовут его в народе. – Зайдите ко мне!

Не подумайте ничего такого. Я не какая-то там нерадивая ученица – отнюдь. Угроздило меня окончить педагогический институт и стать учительницей русского языка и литературы. Сеять, так сказать, разумное, доброе и вечное в благодатную почву мягких и светлых детских душ.

Внутренности сжимаются в комок: Лев Моисеевич по пустякам не дёргает. И если уж вызывает к себе, и взгляд карих глаз пронзительно-острый, значит случилось что-то глобальное.

Пока я плетусь медленно к кабинету на полусогнутых ногах, лихорадочно перебираю, где могла накосячить. Журналы вроде заполнила, легендарный 6-А, кажется, нигде не отличился, всё тихо. Классные часы проводятся, полы в классе моются. Хотя какие полы... из-за такой ерунды на эшафот в святую святых не приглашают.

– Вот что, Никитина, – Лев Моисеевич стоит, упираясь обеими руками в стол, отчего лицо его – почти на уровне с моим. Ну, а я стою навтыяжку, как положено: живот втянут, руки по швам, сердце в пятках, – вы где работаете?

Всем известно: директор любит задавать вопросы. Главное – отвечать быстро и чётко, желательно не задумываясь. Материал должен отскакивать от зубов. У него и на уроках так отвечают. Кто мямлит, тот остаётся после уроков. Учить.

– В гимназии! – бодро чеканю я, лихорадочно соображая, за что мне сие.

– Неверный ответ, Варвара Андреевна, – сверлит меня суровым взглядом Лев Моисеевич. – Не в гимназии, а в образцово-показательной гимназии!

У него нос на губу налезает. А ещё брови белые клочками. И причёска Эйнштейновская. То есть, это Льву Моисеевичу так хочется: там, где у знаменитого учёного волосы кучерявились, у директора – лысина. Тотальная. И вот эти седые космы нимбом вокруг неё – просто безобразие. Так и хочется то ли дёрнуть, то ли причесать. А лучше всего – побрить. Налысо. Ну, или коротенько подстричь на худой конец. Под троечку. Ой, что-то я не о том думаю...

Директор многозначительно поднимает узловатый палец и, я так понимаю, мне надо изобразить подобострастие. Ну, конечно. Футы-нуты. А меня с улицы взяли, от очистков очистили.

Он что-то ещё вещает возвышенно, а я делаю вид, что слушаю.

– Что у вас с Драконовым? – бабахает он неожиданно и оглушительно. А? Кто здесь? Никого нет дома! Нет меня, нет!

Зелёная тоска заливает с ног до головы. Я, наверное, тоже зеленею под пристально-суровым взглядом Зевса-громовержца.

– А что у меня с ним может быть, простите? – осторожно пытаюсь блеять я, но Льву Моисеевичу плевать на остатки моего достоинства.

– У вас к мальчику стойкая неприязнь. Вы предвзято относитесь к ребёнку. Вчера опять приходила его мать. Грозилась, что в следующий раз придёт отец. Я специально посмотрел журнал б-А. Там же проб негде ставить от ваших двоек! Вы затретируют ученика, Варвара Андреевна, вот что я вам скажу!

Я бы могла возразить. Кто ещё кого. И мать этого рыжего бесстыдника могла бы ко мне прийти, а не кабинет директора штурмовать. Между прочим, я с этого года их классный руководитель. И, между прочим, кое-кто даже на установочное родительское собрание не соизволил снизойти.

– В общем, подумайте, Варвара Андреевна, – голос недоэнштейна скатывается в мягкую угрозу. – Если встанет вопрос: вы или чудный ребёнок Ваня Драконов, вы сами знаете, кто закроет дверь гимназии с обратной стороны.

Мне оставалось только кивнуть. Видимо, карьера моя стремительно шла под откос: идти на поводу у мелкого интригана я не собиралась. Впору сушить сухари и искать другую работу, пока богатые, именитые родители этого рыжего монстра кислород не перекрыли.

Невесёлые мысли сжали сердце в кулак. Предчувствие не предчувствие, а только с этого момента электричка моей жизни разогналась как скорый поезд и потеряла тормоза.

Разговор с директором случился в среду. В четверг от меня ушёл Витюша, заявив, что встретил любовь всей своей жизни. «А как же я?» – хотела спросить, но только растерянно хлопала глазами и следила, как мужчина, что прожил со мной три года, хотел на мне жениться и мечтал о детях, собирает в рюкзак свои вещи.

Я даже истерику ему закатить не успела – так быстро он собрался и, кинув полный достоинства прощальный взгляд, аккуратно щёлкнул замком, закрывая за собой дверь.

И тогда меня накрыло. Не по-детски. Кажется, я ревела, била посуду, пила коньяк из горла. Ну, да. Некрасиво и недостойно высокого звания педагога, но когда сердце – на осколки, а личная жизнь – вдребезги, как-то не всегда удаётся сохранить лицо.

Если бы не Нинка – верная боевая подруга, которая со мной и Крым, и Рим и медные трубы прошла, боюсь, я бы себя не собрала по частям. А так сопли мне утёрли, поплакали вместе и выпили за то, чтобы рыдали те, кому мы не достались, и сдохли те, кто нами пренебрёг.

Я даже соскребла себя с постели утром, чтобы на работу сходить. Но вы же помните? Если неприятности начинаются, остановить их может только слишком весомый аргумент.

В то утро я спустила в канализацию линзу. При моих минус пять – это катастрофа. Пришлось в срочном порядке искать и сдувать пыль с древнего раритета – уродливых очков в тёмной оправе. Ну, может, не такие они уж и страшные, а только ненавидела я их лютой ненавистью. Хотя, если учитывать опухшие веки и благородную бледность от чрезмерных возлияний, очки на поллица сыграли положительную роль при конспирации. В таком обличье морале меня не узнали бы и агенты ФБР.

Ученики и коллеги тоже не совсем признали. Плевать. Абсолютно плевать на всё. У меня душевная незаживающая рана. Драма вселенского масштаба. Какая разница, кто и как смотрит на меня? В этот день я даже рыжему монстру Ваньке Драконову замечания не делала. Что, только мне одной отдуваться? Пусть потроллил и других учителей, займётся своим излюбленным занятием – виртуозно мотает нервы.

Я настолько ушла в нирвану личных переживаний, что даже в оптику не сходила. Махнула рукой, решила выспаться и заняться операцией под кодовым названием «линзы» субботним утром. Но судьба в лице Нинки Миргородской решила всё по-своему.

– Не фиг киснуть, мать. Сдался тебе этот Витюша. Если ты мозги включишь, то поймёшь, что нужно было его вышвырнуть давно уже, а не ждать, пока он свои портки соберёт и уйдёт в пешее эротическое путешествие. Вы последний год больше ссорились, чем любились. Это счастье на самом деле. Освобождение!

– Может, потому и ссорились, что у него уже была другая, – горестно всхлипнула я, продолжая страдать. Но Нинка была права: в последнее время мы с ним не очень. И секс давно был. Только я со своей работой замоталась, забегалась. Тетради, собрания, то, сё. Сколько он к телу-то моему не подходил? Месяц? Или два?..

– Предлагаю устроить праздник и отметить это светлое событие. Помянуть, так сказать, безвременно ушедшего в закат.

Я хотела возразить, но Нинка не тот человек. Сопrotивляться ей – себе дороже. Лучше покорно смириться.

– Слушай сюда. У меня два билета в замечательный элитный клуб. Недавно открылся – не поверишь. Я всё голову ломала, с кем бы потусить. А тут прям сам бог велел! Собирайся! Макияж там, юбочку покороче. Идём танцевать, орать караоке и мужиков клеить!

Господи, и это мать троих детей. Её Помпончик мне башку открутит, когда вернётся из командировки.

– Встречаемся в восемь! И не опаздывать мне!

Боевой клич я приняла и закрутилась по квартире юлой: Нинка, несмотря на свою полнейшую безбашенность, имела поворот на пунктуальности. Если я опоздаю хоть на минуту, даже страшусь подумать, какие штрафные санкции свалятся на мою голову.

Всё бы ничего. Но линз у меня не было. И об этом я вспомнила, когда посмотрела на себя в зеркало. Я не вздыхала тяжело – стонала. Придётся очки надевать, иначе я рискую не то что опоздать – не добраться до «чудного» клуба с романтическим названием «Алые паруса».

Красавишна и королевишна. Без слёз не взглянешь, но кто сказал, что будет легко? Зато у меня тонкая душевная организация и высокие моральные качества. То, что только истинный принц рассмотрит. Так что...

Жди меня, мой капитан Грей. Твоя Ассоль спешит к тебе навстречу!

Глава 2

Илья

– Драконов, не драконь меня! – с моей невестой Валентиной Луниной мы уживались плохо.

Поначалу, когда мне её всучили, как ценный боевой трофей, я очень сильно возражал. Другими словами, я вообще не понял, почему не послал всех сразу быстро и категорически. Может, потому что собственный брат на смотринах увёл у меня из-под носа девушку, которая мне очень нравилась.

По иронии судьбы, Тина оказалась родной сестрой Ники. Вот уж где «лёд и пламя не столь различны меж собой»[1]. Впрочем, нас всё устраивало: статус «жених-невеста» давал массу неограниченных возможностей и запрет на притязания со стороны старшего поколения. Лживая помолвка развязала нам руки. Сущая безделица – делать вид, что встречаемся, ходить вместе на мероприятия и многолюдные тусовки.

Кстати, об этом сейчас и спор: Тинке приспичило в одно место пойти, мне – посидеть в тишине дома. Иногда у нас непримиримые разногласия. Точнее, почти всегда: два слишком буйных темперамента – это бутылка с зажигательной смесью. Взрывается, осколки летят веером на километры.

– Какая тебе разница?! – возмущённо досадует моя лженевеста. – Не всё ли равно, где отдохнуть в пятницу вечером? А тут новый клуб, не приелось ещё. Посмотреть, оценить, оттянуться. Там, между прочим, просто так ещё и не пройдёшь. Там, между прочим, по пригласительным! И они у меня на руках!

В голосе нескрываемое торжество и триумф. Будет весь вечер пить текилу вёдрами и плясать до упаду, как горная коза. Знаем, плавали.

– Тин, тяжёлый день, я устал. Приболел. Новая работа, адаптация. К чёрту громкую музыку и потные рожи.

– Драконов, ты стареешь. Близок час седины и полного нестояка. Импотенция семимильными шагами, ферштейн?

Будь она рядом, придушил бы, гадюку! Вот откуда, откуда у неё столько энергии? Прямо до тошноты бесит. Ей двадцать пять, а серого вещества на пятнадцать, не больше. Как остановилась в подростковом возрасте, так и не растёт ни нравственно, ни духовно больше. Незрелая девочка. Так-то с мозгами у неё порядок. Умная. Но мудрость Тинкина явно где-то загуляла-запила.

– Отстань, Лунина.

– Не зли меня, Драконов!

И я вдруг понимаю: пойду. Обречённо, как печальный конь на живодёрню. Нет, я мог бы и осла включить – упереться намертво. Но зачем? Ну, хочется ей – ладно. Страшно сказать, но к людям привыкаешь. Она мне почти родная. Как братья, например.

– Хорошо, – сдаюсь я. – Только не заставляй меня отплясывать рядом с тобой.

– Старый, старый, старый дед, потерявший пистолет!

Я хочу думать, что она это где-то в Интернете подцепила, а не придумала сама. Честно: у меня от неё хроническая усталость. Не думал, что когда-то скажу это, но Тинки чересчур много. Я, конечно, мог бы переломить её своим напором и полным отсутствием тормозов, но что-то у меня сдвинулось за последние

полгода.

Мне почти двадцать семь, и я подустал жить в состоянии вечного праздника. Рано или поздно всё приедается. Если каждый день наворачивать торт, обязательно захочется супчика. Вот так и сейчас: я хотел тишины, спокойствия и ласковую нежную девушку рядом. Заботливую, вежливую, интеллигентную. Всегда тянуло к таким, как на буксире. А фейерверки-Тинки – мимо кассы. Слишком напряжно. У меня и своей дури – из ушей стружкой.

– Ладно-ладно, вечно молодая, весёлая и нехудая! – поднапрягся и выдал я. А что, не только ей блистать умом. – Явки, пароли, стрелка.

– Ты на что намекаешь, сволочь ты такая? – Тинка подозрительно пыхтит, видимо, критически оглядывая свою фигуру в зеркале. Мстя моя удалась. У неё поворот на лишние килограммах. Там их отродясь не было, но Тинке всё время кажется, что у неё попа великовата и грудь растёт, хотя, на мой взгляд, всё у неё идеально, но девочкам если что в голову втемяшится, стамеской не отдолбить.

– На то, что у тебя шикарная задница и сиськи, – абсолютно не кривлю душой. – Далеко ли мы собрались, красавица? А то до утра будем с сантиметром ползать?

– «Алые паруса», абсолютно романтическое место, – начинает она с ходу в карьер рекламировать ночной клуб. У неё как защитная реакция: я уже согласился, но она всё равно по инерции продолжает меня уговаривать.

– Отлично. Можешь опаздывать в своём репертуаре. Я и без тебя в этот дом порока войду. Не могу сказать, что в восторге от твоего выбора, но да: новое место, новые впечатления, старые связи. И, боюсь, всё те же лица. Место меняется, люди – нет.

Последние объяснения были лишними. Тинке нет дела. Она наметила блеснуть среди огней нового клуба, значит с курса её и атомный взрыв не заставит свернуть.

Я даже не переодеваюсь – настолько всё впадлу. В висках противно тренькает, горло дерёт. Простуда, я знаю. И температура классическая – тридцать семь и два. Пью таблетки, надеваю куртку, выхожу на улицу и застываю.

Первый снег упал. Конец октября, называется. Немного неожиданно и неожиданно холодно. Подумав немного, решаю ехать на своей машине. К чёрту. Я могу и не пить – не горю желанием. А если и выпью, всегда есть служба такси.

– Илюха! – встречает меня на входе старый друг и владелец этого богоугодного заведения.

– Рик, – хлопаю я Михая Риканова по плечу. – Спасибо, что встречаешь, – шутовски кланяюсь, метя пером воображаемой шляпы по расчищенным от снега ступенькам.

– Кончай выделываться – заходи, местечко для тебя приготовил.

Пока Тинки нет, мы сидим как в старые времена. Рик – с пивом, я пока с соком. Даже через соломинку он холодный, в горле неприятно дерёт, но я стараюсь не обращать внимания.

– Смотри, какая тёлочка, – оценивает он с ног до головы всех, кто посмел открыть дверь в его романтическую богадельню. Его ремарок удостаиваются все – и мальчики, и девочки. Краткие и ёмкие характеристики. У него игра такая – любить людей словами да похлеще. И чтоб хоть куда-нибудь попасть: в характер ли, в особенности внешности.

– Во! Это циник, – клеит он ярлыки, – а это плешивый!

Его энтузиазм заразителен. Постепенно и я втягиваюсь в угадайку. Мы клеймим всех напропалую и ржём.

– Варешка! – выдыхаю я, как только это чудо материализуется в дверях клуба. Рик довольно хмыкает и показывает большой палец, полностью одобряя мой пассаж.

Нет, правда. Я ещё таких не видел. Как гостя из космоса. Капюшон на голове и очки на носу, а у груди – руки в пушистых варежках. Большие и мохнатые, они похожи на двух белых кроликов.

Интересно, откуда она взялась? Совсем не похожа на заядлую клубную диву. Надо же, ещё и такие по подобным местам бегают. Не мешало бы познакомиться. Для прикола. Но пока я думал да глазами хлопал, её и след простыл, естественно. А в такой толпе попробуй её найди. Лень. И голова болит. И Тинка, как всегда, опаздывает навеки.

[1] Слегка перевернутая цитата из «Евгения Онегина А.С. Пушкина (в оригинале звучит: лёд и пламень)

Глава 3

Варя

Ну почему, почему моей боевой подруге не сидится дома? Зачем обязательно нужно было ехать сюда, в это жуткое место? От романтики здесь – только название, а так пахнет спиртным, развратом и понтами.

– Никитина, ты идиотка, – стонет, подвывая, Нинка. – Ну, у тебя на лбу написано: «училка». Большими красными буквами. Жирным шрифтом. Кто надоумил тебя эти очки напялить? Сними немедленно! И варежки свои дурацкие тоже спрячь! Осень на улице, если ты забыла! Температура почти плюсовая!

– Да плевала я на твою осень, – огрызнулась я. – У меня нежная кожа и очень мёрзнут руки. И вообще, эти варежки мне бабушка подарила. Я их нежно люблю.

– Да, но выглядишь ты – атас!

– Плевать. Я предупреждала, что не желаю сюда ехать, но ты разве меня слушала? Тебе обязательно надо было оторваться, пока Лёнчика нет дома. Детей на мать опять спланировала?

– Детям полезно самостоятельности учиться и поскучать за мной им не мешает. Тоже мне – полиция нравов нашлась! За Лёнчика будь спок, Помпончик не ангел во плоти, хотя все почему-то так считают.

Мы переругиваемся, как две кумушки на перекрёстке. Ещё немного – и прольётся чья-то кровь, но неожиданно всё устаканивается. Нинка перестаёт на меня прыгать – внимание у неё переключается на другой канал «телепередачи»: теперь она рассматривает клуб, и, видимо, что-то её впечатляет, по глазам вижу.

– Пилон! – гаркает она так, что у меня закладывает ухо. И пока многодетная мать несётся, как съехавший с рельс трамвай, и виснет лианой на высоком парне, я раздеваюсь и успеваю занять стратегически выгодное место у барной стойки, в уголке. Танцы – это не моё, а посидеть и выпить, раз уж припёрлась, – почему бы и нет?

– Знакомься! Это мой однокурсник Сеня по прозвищу Пилон! – находит Нинка меня некоторое время спустя. – Очумительно клёвый пацан! Рекомендую!

– Арсений, – застенчиво хлопает ресницами «пацан» и протягивает руку.

– Варвара, – представляюсь сама – от Нинки не дождёшься. Ладонь у Сени твёрдая и тёплая. Надёжная какая-то. И взгляд, оказывается, не такой уж простодушный, а по-мужски заинтересованный, но свой интерес он проявляет не явно, и будь я менее опытна, сочла бы его за стесняшку-очаровашку. Почему-то именно такие у Нинки «друзья». Помпон из этой когорты, кстати: за внешним простодушием своего рубахи-парня скрывается коварный дьявол с гениальными мозгами.

Я иногда думаю: Нинке зверски повезло, что Лёнчик в своё время охмурил её и женил на себе. Правда, подруга считает иначе, но пусть заблуждается – ей полезно иногда.

– Почему Пилон? – спрашиваю, чтобы не молчать.

– Потому что он подрабатывал стриптизёром! – жарко орёт в ухо Нинка. Беспардонность – наше всё. Украдкой бросаю взгляд на Сеню, но тот лишь тонко улыбается, спрятав взгляд за ресницами. – У него тело – улёт! А двигается он –

обос...умереть не встать!

Испуганно кошусь на нового знакомого. Но он вроде ничего – держит удар. Не смущается, не краснеет. Не злится – самое главное. Наверное, для него это не такой уж и позор – бывшее стриптизёрское прошлое. Или не бывшее?..

Я б под землю провалилась до твёрдого ядра. А Сеня – молоток. Я, видимо, девушка косных взглядов. Не прогрессивная. Нинка часто издевается надо мной за это. И без конца язвит, что в постели я, небось, бревно, знающее только миссионерскую позу. Я мужественно отмалчиваюсь, потому что с ней на такие темы откровенничать – себе дороже.

– Ты обязательно должна потанцевать с ним, Барби! Это что-то! Это космос! – Нинка пихает Сеню локтём в бок, видимо, намекая, что тот обязан меня пригласить. Я поднимаю обе руки вверх, давая понять, что не заинтересована, но Сеня то ли не захотел меня услышать, то ли решил, что лучше заарканить меня, чем потом выдерживать Нинкин напор.

– Пойдёмте, Варя, вам нужно расслабиться.

Ну, да. У меня на лбу написано: напряжение 220 Вольт. Не влезай – убьёт! Я хотела отказаться, честно. Но мать троих детей так пихнула меня в спину, что я прямо влетела в объятия Пилона. Мальчик не растерялся – подхватил меня бережно и повёл на танцпол.

Да, двигался он хорошо. Профессионально, можно сказать. Только я подкачала: выпила слишком мало, чтобы расслабиться окончательно. Мне даже стало его немного жаль: Нинка, наверное, пока обнималась с ним, уговорила или попросила меня развлечь. Отворотить от горестных дум о неудавшейся личной жизни.

Я люблю Нинку, она лучшая подруга. На помощь придёт, невзирая на погодные или семейные катаклизмы, порадует от души, если всё замечательно. Плечо подставит, жилеткой станет, деньги одолжит, глазом не моргнув, но иногда её чересчур много. Активность её слишком зашкаливает и хочется сказать «Тпру-у-у! Притормози!».

Я не удивлюсь, если встреча с Пилоном – подстроенная. Я почти уверена: она договорилась с Сеней заранее, поэтому так рвалась в эти паруса драные. Вслух, конечно, я не могу подозрения высказывать. И мужчину в лоб спросить неудобно – ещё расстроится, что не удалось хорошо сыграть роль приятного во всех отношениях мальчика для девочки с душевной драмой. Нинка ему потом голову откусит, что прокололся или не смог быть более убедительным.

– Ты извини, мне нужно отлучиться, – делаю я умильную мордочку и направляюсь в сторону проёма, где притаился коридорчик с туалетами.

Здесь музыка не так бьёт по ушам. Я дух перевожу, понимая, что уже устала и хочу только одного: смыться отсюда и уйти домой. Интересно, если я улизну, Нинка здорово будет бушевать? В то, что она разобидится в пух и прах и больше со мной знаться не будет, я не верю. Но встать в позу и попить моей крови – это запросто.

Сокрушённо вздыхаю: там мои вещи, сумочка. Уйти по-английски не получится. Пока я раздумываю, посетить ли туалет, раз уж сюда попала, в коридорчик ещё кто-то вваливается.

Рассмотреть толком я ничего не успеваю: этот некто цепляется ногой за что-то и, чертыхаясь, летит прямо на меня. Реакция у меня хорошая. Это как в футболе: либо ты ловишь мяч, либо не вставай на ворота. Я не футболист, но подачу приняла. Не знаю, разумно ли то, что я сделала, но всё на инстинктах, всё только автоматически: ноги пошире и покрепче, и руки в стороны.

И эта туша на меня свалилась. Очки, сбитые рукой падающего тела, жалобно звякнув, закончили своё существование на кафельном полу, А я упала. Не выдержала напора, так сказать. Мужчина навалился на меня всей своей массой. Как-то удачно упали. Я даже почти не ударилась. Одно плохо: мир потерял границы. Смазался, раздвоился, перестал радовать своей чёткостью.

– Ух ты, – хриплый голос разбежался мурашками по телу. – Надо же.

А потом осторожные пальцы сняли прядь с моего лица и ощупали скулу, уголок губ, мазнули по подбородку. – Ну, здравствуй.

Глава 4

Илья

Варежка. Та самая чудачка в очках. На языке так и вертится мягкое пушистое прозвище. У неё потрясные глаза. Крышесносные. Хочется смотреть и смотреть в лицо, изучая. А лучше – трогая. Чем я и занялся.

Она притихла подо мной, затаилась. Кажется, и не дышала вовсе, пока я убирал и взвешивал в ладонях тяжёлые рыжеватые пряди. А затем грудь её поднялась при вдохе, и это касание оказалось таким острым, волнительным, до темноты в глазах. И, кажется, я совсем с ума сошёл: поймал взглядом её губы – полные, сочные, тёмные, как спелые вишни. И понял: если сейчас не попробую их на вкус, умру не умру, но жалеть буду однозначно.

Она еле слышно вздохнула. Губы разомкнулись. И я припал к ним, как верующий к иконе. Сладкие. Одурающие, как отравы или наркотик, который хочется ещё и ещё.

Я целовался, как подросток – увлечённо. Не спешил, исследовал, проводил языком по губам – и в какой-то момент она дрогнула, перестала лежать бревном подо мной. Выгнулась, прильнула, запустила пальцы в мои короткие волосы на затылке. И всё – в башке словно тумблер выключили – буммм! Я с катушек слетел. Целовал её так, словно нет ничего важнее. Конец света, потоп, светопредставление – это без меня. И без неё. Мы заняты.

– Совсем охренели! – взвизгнул кто-то над нами. – Вы больше другого места не нашли, чтобы трахаться?!

Упс-с-с. Девушка подо мной дёрнулась, замерла, а затем начала вырываться. Мы вскочили на ноги, словно пружины нам в задницы кто вставил.

– Простите. Извините, – Варежка лихорадочно поправила волосы, облизнула вспухшие губы, покраснела, как помидорка на солнце, и по стеночке начала отступать. Скромница. Может, ещё и девственница?

– Подожди, – попросил я её, но от звука моего простуженного голоса она рванула так, словно перед её носом петарда взорвалась. Пугливая лань. Стройная берёза. И ножки у неё зачётные.

Я провожаю её глазами и чувствую себя похотливым козлом первой гильдии: хочется сделать что-то сумасшедшее, идиотское, чтобы её впечатлить, сразить наповал. Чтобы она смотрела на меня глазами газели, открыв от восторга рот. И тогда я возьму её тёпленькую. Сожму, впечатаяюсь, вдолблюсь, привяжу к себе на всю ночь, а может, и утро. А вероятнее всего, на все выходные. Давно меня так не колбасило.

– Ты где пропал? – Рик толкает меня в плечо, и я наконец прихожу в себя. Удрала. Ладно, я её потом найду. Ещё не вечер. – Там тебя невеста ищет, скандалит. Где ты такую стервь оторвал только, Драконов?

– Она мне по наследству досталась, – туманно объясняю я, продолжая думать о своём. – Любимая дочь, наследница большого состояния. Умная. Красивая.

– Ты сейчас её сватаешь или хочешь передать по наследству мне? – хрюкнул от удовольствия Рик, иронично приподняв бровь. Видимо, рожа у меня та ещё – отмороженная. Пытаюсь не показывать вида, но мысли мои Варезжкой заняты. Я строю планы, как продолжить знакомство. Но появление Тинки немного осложняет задачу. По легенде я должен невесту окучивать. Знаки внимания оказывать.

– Э-э-э. Нет, конечно. Тина – замечательная. И купле-продаже не подлежит.

Господи, что я несу? Особенно, если учесть, что её как раз «продали» как товар: наши отцы договорились поженить старшеньких заочно, не спрашивая ни разрешения, ни мнения. Свели, как собак на случку, в ресторане и поставили перед фактом. Что Тину, что Диму – брата моего Драконова-старшего.

Думаю, историю эту как семейную легенду будут передавать из уст в уста грядущим поколениям. Тем более, что Димка женился на Нике и уже в молодом семействе ждут пополнения. А мы с Тинкой всё так и застряли в отношениях «жених и невеста». И, странное дело: старики как-то поутихли, угомонились. А нам это только на руку.

– А, ну-ну, – смотрит на меня свысока Рик, мерзко ухмыляется и, показывая пальцем на рот, делает замечание: – Тогда помаду вытри. А то как бы тебя твоя замечательная на немецкий крест не порвала.

Вот гад. Я бы мог и в помаде выйти – без вопросов, но решил, что не доставлю Риканову столько удовольствия. Ибо Тинка не из тех, что тактично молчат или делают вид, что не видят. Даже если я ей безразличен, она ни за что не упустит возможности выпить литр моей драгоценной драконовской крови.

– Ну, наконец-то! – чересчур бодро восклицает моя прекрасная невеста. – Я уже думала, ты сбежал, наплевав на честь и совесть.

– Что ты, дорогая, – галантно целую Тинкину руку, – тот, кто осмелится в твою сторону совершить плевок, не доживёт до завтрашнего утра. И прошу тебя, о, моя прекрасная леди, сегодня без выкрутасов, угу? В последний раз ты была чересчур активна, слухи о твоих легендарных подвигах долетели до ушей великого отца твоего, и снова папа грозилась тебя немедленно замуж выпихнуть.

– Пф-ф-ф! – фыркает пренебрежительно Тинка. – Я как бы уже не боюсь. Ты ведь меня подстрахуешь, правда?

– Папа Лунин выразил мнение, что я не способен с тобой справиться, а поэтому он активно ищет жёсткого, властного кандидата, который быстро приведёт тебя в чувство.

Тинка скисает, как молоко на жарком солнце. Забавно наблюдать за сменой эмоций на её лице. Это самое яркое и захватывающее шоу. Ни у кого не видел столь выразительной и говорящей мимики.

– Скажи, что ты пошутил, – кусает губы моя несчастная невеста. Жаль, в клубе нет роты солдат. Тинка разжалобила бы всех и, уверен, целая толпа идиотов пошла бы, не задумываясь, защищать её честь, если бы она пошевелила прекрасным пальчиком и дала команду «фас!».

– Какие шутки, Лунина? Ты уже израсходовала все свои бессмертные жизни и контрольные выстрелы в голову. Терпение родителя не безгранично.

– И что ты предлагаешь? – смотрит она задумчиво мне в глаза. От её «горя» и следа не осталось.

– Предлагаю вести себя скромнее. Не напиваться. Не отплясывать на столах. Не демонстрировать народу нижнее бельё. И не рассказывать всем имеющим уши, что я тебя не люблю, что я предатель и сволочь. Список продолжать?

– Ты-таки нашёл способ вынести мне мозг, – вздыхает она и картинно встаёт в позу «рука-лицо». – Я думала твой брат зануда. Оказывается, ты тоже недалеко ушёл, Драконов. А такой был милый мальчик без башки.

– Я повзрослел, – почему-то её слова злят меня. Да, я никогда не был подарком, увы. Но по сравнению с этой сумасшедшей я чувствую себя почти ангелом.

Я ищу глазами Варешку. Но она как сквозь землю провалилась. Неужели удрала? Вот досада. И от этого настроение портится у меня ещё больше.

– Илюш, а может, секс-терапию? – лукаво заглядывает мне в глаза моя драгоценная невеста.

– Я подумаю над этим, – смотрю на неё из-под ресниц и обвожу большим пальцем контур её идеальных губ.

Глава 5

Варя

Я оставила этого мерзавца после уроков. Имею полное морально-педагогическое право. И, пока он пыхтел над заданием, яростно дёргал себя за рыжие вихры и сравнивался цветом лица с кумачом, неожиданно всплыло то, что все выходные я пыталась запихнуть подальше вглубь себя.

Из «Алых парусов» я позорно сбежала. Вылетев из коридорчика, стремительно и целенаправленно прошагала полустроевым шагом к бару. Нинку определила по яркому васильковому платью и по знакомому хихиканью – такое ни с чем не

спутаешь.

Я вырвала из рук ошалевшей подружки какую-то зелёную дрянь в бокале, выкинула оттуда трубочку, выпила залпом, поймала очень мужской взгляд этого... как там его... Пилона на своих, видимо, очень живописных губах, схватила сумочку и заявила, что уже наотдыхалась, устала и хочу домой.

Нинка строила обезьяньи рожи своему подельнику Сене, но он оказался парнем сообразительным. Видимо, знатоком женских лиц. Поддерживать мою подружку в желании заякориться и осесть в этой гавани надолго не стал. Вместо этого галантно одолжил у меня, взволнованно- неадекватной, телефон, и вбил туда свой номер.

– Я позвоню? – не спрашивая, а утверждая. Я кивнула, лишь бы он отвязался. На тот момент я мечтала выдернуть Нинон из-за стойки. Мне нужен был поводырь: отсутствие очков могло сыграть роковую роль: я плохо ориентировалась в пространстве, особенно в темноте и, боюсь, могла бы влипнуть в какую-нибудь историю. Или наткнуться снова на этого... который там...

От одних мыслей о Нём у меня подкашивались ноги. Я вообще не понимала, что со мной. В ушах звучал его хриплый низкий голос, а губы горели и пульсировали от поцелуев, которые понравились мне так, что, если бы не нервный кто-то, я бы отдалась, не раздумывая, прямо там, на полу. Полное и умопомрачительное бесстыдство, на которое я, казалось, вообще не способна. Но всё когда-то случается первый раз.

Нинка, наверное, что-то такое узрела в моём лице. Не стала больше спорить, отлепила свою задницу от барного стула и, подхватив меня под руку, попытала рядом.

– До встречи, Сеня! – проорала она, небрежно помахиывая ладонью. – Увидимся!

Эти её слова ещё больше убедили меня, что господин стриптизёр – подсадная утка Миргородской.

– Что-то случилось? – Нинка заглядывала мне в лицо, пытаюсь понять, что за спешка, когда нет боевых действий.

– Я упала и разбила очки. Прости, испортила вечер. Но когда я не вижу, я чувствую себя несчастной, ты же знаешь.

Я не стала ей рассказывать о поцелуе с незнакомцем. Не стала распространяться про дрожь в коленках. И почему меня потряхивало в такси, тоже не стала объяснять. Было бы смешно, если б я рассказала, что совсем голову и стыд потеряла. Это я-то. Бревно в миссионерской позе. Да она меня живьём сожрёт.

Субботу и воскресенье я провела в заботах – купила линзы и устроила генеральную уборку, чтобы Витюшино присутствие свести на «нет» и от ненужных мыслей избавиться. И мне почти удалось вытряхнуть из себя романтическую чушь, что родилась мгновенно и выиграла мощно, как инстинкт размножения.

В общем, мне удавалось балансировать. И я почти пришла в себя. Ну, не считая грёз на ночь. Я же девочка? Могу же я мечтать, в конце концов? Слабый аргумент, но я цеплялась за него, как голодный за кусок хлеба.

– Варвара Андреевна, я всё! – Ванька Драконов выглядит счастливым и торжествующим. Это сразу же меня настораживает. Когда у него такая рожа, лучше быть готовой ко всему.

Медленно подхожу к парте. Моя походка напоминает напряжённую иноходь зверя, готового к нападению хищника. Беру тетрадь в руки.

Всё, значит. Сделал упражнение, значит. Ну, помимо того, что он опять налепил ошибок, причём, подозреваю, часть из них специально, он ещё и фигвам пририсовал внизу. Фигу то есть. Кукиш. Накось, выкуси, Варвара Андреевна. Беспардонный. Наглый. Рыжий. Чешуйчатый. Гад.

Я произношу про себя красочные эпитеты и пытаюсь считать до десяти. Медленно. Чтобы выдохнуть. Чтобы не треснуть ладонью по рыжему затылку. Издевается. Ну, ладно.

– По рисованию, думаю, пять. Я обязательно покажу твои художества Светлане Сергеевне. Надеюсь, она оценит, насколько ты любишь её предмет. А по русскому опять двойка. Придётся повторить правила, рассказать мне и

переписать упражнение.

Я хладнокровно вырываю двойной листок из тетради, кладу перед Ванькой. И тут он понимает, что допустил стратегическую ошибку.

– Тетрадь отдайте! – требует мой любимый ученик, дерзко сверкая глазами. Угу. Давай. Ты просчитался. Прими поражение. Но Ванька проигрывать не умел – кинулся на меня, пытаюсь вырвать тетрадь.

– Сядь на место! – рявкнула я, поднимая руку повыше.

– Отдай! Барби! Дура! – пытается он достать компромат во что бы то ни стало, и в этот патетический момент дверь класса распахивается. Властно и настежь. Сразу видно: хозяин жизни. Без стука, без всяких там чайных церемоний.

Красивый холёный мужик – первое, что я замечаю. И пока я на него пялюсь, Ванька успевает вырвать у меня из рук свою несчастную тетрадь.

Вошедший мужчина сверлит меня тяжёлым взглядом. Челюсти у него стиснуты так, что желваки проступают.

– Добрый день, – надо же, мы ещё и вежливые. Поздороваться решили. И тут я понимаю, что не так: Драконов затих. Вот просто преобразился. Шёлковый. Я его ещё таким ни разу не видела. Ангел и всё. Крыльев только за спиной не хватает. И сидит за партой ровно, и спинку держит правильно.

– Здравствуйте, – отвечаю, пытаюсь сообразить, в чём дело, но, видимо, от недавней борьбы у меня запоздалая реакция – не осенило сразу же, хотя всё очевидно.

– Иван Аркадьевич Драконов, – представляется этот умопомрачительный мужик, – отец вашего ученика Ивана. А вы, я так понимаю, Варвара Андреевна? Его классный руководитель и учитель русского языка?

Подкован. Выучил. Знает. Приятно. Правда, непонятно пока, чем всё закончится.

– Вы совершенно правы. Не ошиблись, – смотрю ему прямо в лицо, хотя колени начинают трястись, как и сердце в груди. Я отчётливо понимаю, что дверь образцово-показательной гимназии сейчас как никогда стремится поскорее захлопнуться за моей спиной.

– Иван! – от такого властного голоса его подчинённые, наверное, писаются в штанишки. И этот жест рукой – резкий и требовательный. Сынишка невинно хлопает глазами и делает вид, что не понимает, чего хочет от него отец. – Тетрадь, Иван!

Драконов меньший тяжело вздыхает и поднимается со стула. Достает из-под пятой точки многострадальное нечто, уже мало напоминающее его рабочую тетрадь.

Иван Аркадьевич оценивает ситуацию быстро. Да там, собственно, всё прозрачно. Но я пока не совсем уверена в благополучном исходе наболевшего вопроса. Кто их, этих богатеньких, знает, готовы ли они признать виновными своих драгоценных отпрысков?

– Выйди за дверь и жди меня в коридоре, – космический холод по сравнению с этим голосом – ничто.

Ванька опять вздыхает, кидает на меня ненавидящий взгляд и уходит. Дверь прикрывает аккуратно. Ювелирно. Видимо, собирается подслушивать. Но старший, судя по всему, либо очень хорошо знает своего сына, либо у него третий глаз где-то там спрятан.

– Дверь плотно закрой, Иван.

Щёлк. Теперь я как птичка в клетке с хищником. И зверь этот куда крупнее и опаснее кота.

– Я в курсе ваших разногласий с сыном, – кивает он на изуродованную тетрадку, что лежит теперь, ошетинившись мятыми листами, на первой парте. – И слышал, как невежливо вёл себя Иван. У меня к вам предложение, Варвара Андреевна.

Вот как. Осталось только узнать, чем всё это закончится. Папа Драконов меряет меня тяжёлым взглядом.

– Слушаю вас, Иван Аркадьевич, – на удивление, мне удаётся почти спокойно произнести нужные слова.

Неожиданно Драконов меняется в лице. Почти улыбается. Я от неожиданности даже опешила. Ресницами – хлоп-хлоп, как кукла.

– А вы молодец. Другая бы на вашем месте уже б поспешила на мальчишку пожаловаться. Он не подарок, знаю. Но меня не устраивают ни его результаты, ни его отношение к учёбе. А вы, я смотрю, не только мести ради с ним после уроков сидите. Поэтому я предлагаю вам, Варвара Андреевна, подтянуть Ивана индивидуально. В свободное от работы время.

Можно подумать, я этого не делаю. Но я рот не успела открыть, чтобы объяснить.

– Я предлагаю вам репетиторство. Индивидуальные оплачиваемые занятия с ребёнком у нас дома.

Ы-ы-ы... Это что сейчас было?..

Глава 6

Илья

Я взял больничный. С понедельника.

В субботу закономерно проснулся с дикой головной болью, ощущением, что по мне рота солдат в подкованных сапогах прошагала, и с женской голой ногой на бедре.

Тинка спала, как ангел. Тихая, красивая, беззащитная. Не знаю почему, но вот в эти моменты я прощал ей всё. Хотелось спрятать её от всего мира и защитить – нежную и такую ранимую.

Во сне она потянулась ко мне за поцелуем. Потёрлась щекой о плечо, переплелась ногами покрепче.

– Тин, плохая идея, – прохрипел, пытаюсь осторожно отлепить её от себя.

– Почему плохая? – промурлыкала она, прижимаясь всем телом ещё плотнее.

Чёрт. Я чувствовал себя разбитым и больным. Но одна часть тела не вписывалась как-то в общую картину полного состояния нестояния.

– Я простужен. Заболел, – пытался сопротивляться её рукам, которые, как у богини Кали, ощупывали меня везде, куда доставали.

– Значит, будем лечить, – провела она языком от середины груди до пупка, и я сдался. Позволил ей творить со мной всё, что только она пожелает. Закрыл глаза и отдался ощущениям.

Её пальцы теребили мои соски, тело тёрлось по всей длине – мягкая бархатная кошка с нежной кожей вместо шерсти. И руки мои не остались равнодушными – касались её, гладили по бокам, сжимали ягодицы.

Довольный стон вырвался из Тинкиной груди. Она прогнулась и, захватив в кулак мой член, погладила его как малыша. Член приветливо ткнулся головкой в её пальцы. Полусмех сменился всхлипом, когда она точным движением насадилась сверху. Медленно, с оттяжкой, давая возможность стенкам влагалища разойтись и принять мой вполне приличный размер. До упора. О, да.

Она замерла, а я, не в силах с собою совладать, следил за ней из-под ресниц. Чувствовал, как она томительно сжимается там, где мы с ней слились слишком плотно. Видел, как подрагивали мышцы её подтянутого животика. Как руками она оглаживала свои груди, пощипывая за соски, пока они не налились и не стали твёрдыми на вид.

Кто из нас качнулся первым – не понять. Может, одновременно. Тинка двигалась красиво. И лицо у неё, озарённое страстью, прекрасно. Можно любоваться вечно: на белый лоб падала рваная чёлка, глаза прикрыты – она вся во власти чувственной неги. Не манерничала и не пыталась принять наиболее выгодные позы. Ей это ни к чему. У неё лишь одна цель – получить удовольствие. Может, поэтому весь её вид завораживал. И пылающие щёчки, и полуоткрытый рот. И дыхание ритмичное заводило до мушек в глазах. И лёгкие стоны возбуждали до предела.

Её хочется ублажать. Позволить раскачаться до нужного темпа. Вначале она двигалась медленно, затем всё быстрее. И вот она уже наклоняется низко, упираясь руками мне в плечи. Я не мешал ей, лишь подрачивал соски кончиками пальцев да двигал бёдрами, когда она насаживалась полностью, обволакивая меня плотным горячим кольцом своего естества.

Темп всё ускорялся и ускорялся. Я видел – она очень близко, близко к пику. Сейчас главное не сбить её, не нарушить её внутренний ритм. Отрывистые стоны становились громче, пока не превратились в один протяжный звериный рык. Тинка всегда кончала бурно, страстно – её коготки уже оставили отметины на моих плечах. Плевать.

Мне умопомрачительно горячо от её оргазмических конвульсий, и пока она содрогалась и, дрожа, затихала, я вдавился в неё бёдрами, бился в желании догнать и получить осколок своего удовольствия.

Горячее потное тело уже не ломило. Напряжённые мышцы улавливали каждое её движение. И я хочу, чтобы ей было хорошо. Ещё лучше. От меня, от моего напора. Теперь я управляю ею: насаживаю, сжимая ягодицы пальцами.

– А-а-а-а! – кричит она, выгибаясь луком, обнажая шею, на которой бешено бьётся синяя жилка, и снова сжимает мой член конвульсивно, до сладкой боли. Ещё несколько толчков – и я выдыхаю шумно, толчками, наконец-то освобождаясь. Оргазм скручивает меня в пружину, и я опрокидываю её на постель, подминаю под себя, чтобы сделать ещё несколько движений в порыве страсти и острого удовольствия.

Я лежу на ней, придавив всем своим весом. Но Тинка не сопротивляется – ей нравится. Она балдеет, когда её сжимают в крепких объятиях.

– Ну, вот. Видишь, – целует она меня в макушку. – А то, «плохая идея, плохая идея». Ещё несколько таких заходов – и вся гадость из тебя выйдет.

Заботливая моя. Жалостливая. Доктор Айболит, у которого от всех болезней – одно универсальное лекарство.

Я не хотел больше никаких заходов. Мечтал остаться один. Натянуть одеяло на голову и отлежаться. Но от неугомонной Тинки открутиться не так просто. Она напоила меня чаем. А потом сделала минет. А затем завела и, взяв на слабо, заставила трахнуть себя в душе, стоя, а потом ещё раз в постели.

Когда за ней закрылась дверь, я, опустошённый, слабый, позвонил бабушке, дождался её приезда с лекарствами, а затем малодушно запер дверь на засов и отключил телефон.

К понедельнику я почти очухался, но решил взять тайм-аут. Никогда не отличался трудоголизмом и желанием умереть, но выполнить положенную работу.

Но телефон я включил всё же зря. Как только я это сделал, тут же позвонил отец.

– Во вторник жду тебя к шести. Не опаздывай и не выдумывай никакие отговорки. Я знаю, что ты болен и на больничном. И знаю, что всё не смертельно. Поэтому, будь добр.

Иногда я бунтую и посылаю папку подальше. Но если у него такой голос и тон, лучше его не драконить. Ладно, не рассыплюсь. Тем более, мне действительно сносно уже.

Но чтобы не искушать судьбу, я бегу из собственной квартиры, как преступник. Есть только одно место в этом мире, где я могу спрятаться и знать: бабушка ни за что не выдаст меня на милость неприятелю.

– Жениться тебе пора, – вздыхает она тяжело, ероша мой чуб. – Одно бегаешь, прячешься, бедокуришь. Тебе почти двадцать семь, малыш. Надо бы уже определиться.

– Как встречу единственную и неповторимую – так и сразу, – честно прикладываю руку к сердцу и смотрю на ба преданно-искренним взглядом. – Ты ж понимаешь: душевная драма. Нику у меня умыкнули, а попробуй найти ещё одну такую же: умную, красивую, добрую.

Бабушка Ася не тот человек, которого можно разжалобить. Она поднимает указательный палец вверх и трясёт им, как перстом судьбы, перед моим носом:

– Беда в том, что Ника не твоя девочка изначально. Там всё ясно было с первого взгляда. И беда в том, что никогда не нужно искать ещё одну такую же. Попомни мои слова. Твоя тебя сидит, дожидается, как ночь солнца, чтобы стать утром. И только не говори мне о той вертихвостке, что приходится Нике сестрой. Тоже не твоя. Красивая, умная, но такая же шальная, как и ты. Ей бы построже кого. Чтоб – ух-х-х! – в кулаке держал! А вы только лбами бараньими с ней стучаетесь. Два разгильдяя!

Бабулю Асю понесло не на шутку. Но я ей всё прощаю. Она заменила мне мать. Вырастила. И не особо сопротивлялась моей дури. Приспособилась. Привыкла к джинсам и пирсингу. К бритым вискам и татухам. Не поощряла, но смирилась с моей любовью к быстрой езде.

Она бесстрашная, баба Ася. Настоящая Драконова мать. Я никогда не перестану ею восхищаться. Может, потому, что она единственная знает меня, как никто другой. Со всеми минусами и плюсами. Со всеми страхами и бравадой. Она мой личный рентген и совесть. И только ей я могу доверять. К сожалению.

– И ещё, – бабуленция поджигает строго губы. – К отцу завтра поехать надо. Хватит уже бегать, как обиженному щенку. И ты вырос, и папа твой повзрослел. А всё никак не поладите.

Опа. Тяжёлая артиллерия? Интересно, зачем я так сильно-сильно понадобился отцу завтра, что он даже бабулю подключил?..

Варя

– Послушайте... – я лихорадочно вспоминала имя-отчество Драконова-старшего и, к своему позору не могла вспомнить – вылетело из головы от неожиданности.

– Иван Аркадьевич, – видимо, по лицу понял мои затруднения папуля Ваньки. Какой чуткий, а главное – внимательный мужчина!

– Послушайте, Иван Аркадьевич. Думаю, вы немного не поняли сути наших разногласий с вашим сыном. Дело в том, что я и так занимаюсь с ребёнком, заметьте, совершенно бескорыстно в послеурочное время. Но, плотно общаясь с вашим мальчиком уже второй год, подозреваю, что он... эээ... немного лукавит. И не так безнадёжен, как хочет казаться.

– Другими словами, – ловит налету мой эзопов язык проницательный папулька, – он издевается, а, говоря по-современному, троллит вас, Варвара Андреевна.

И вот тут на меня напал ступор. Я пыталась что-то сказать, но, как говорят в народе, – ни тпру ни ну. Слова не могла выдать в ответ. Что-нибудь достойное брякнуть, чтобы совсем уж низко не упасть в глазах дорогого родителя.

– Не стесняйтесь, – подбадривает меня Иван Аркадьевич. Провоцирует, можно сказать. – Называйте вещи своими именами.

Что это? Желание посмотреть на моё истинное лицо? Услышать, как я взвизгну и начну обзывать его сына засранцем и гадёнышем? Нет, про себя я его ещё и не такими эпитетами, конечно, награждала, но никогда не позволяла себе ни оскорблять учеников, ни открыто кляузничать на них родителям.

Это ниже моего достоинства, во-первых. А во-вторых, хоть Ванька и гад ползучий, но было что-то в нём такое, что заставляло меня с упрямством тупоголовой ослицы думать, что он не так плох, как хочет казаться. Что он просто трудный ребёнок, у которого есть кое-какие заскоки, а я всего лишь не смогла найти к нему подход.

– Я в курсе его поведения. Общался с директором и другими учителями, – продавливают меня авторитетом и знанием вопроса папа Драконов. – Ваня не

отличается ангельским характером, и другим учителям тоже достаётся. Но все остальные предметы он учит и получает нормальные отметки, а к вам пылает повышенной любовью. Почему-то. И яростной ненавистью к русскому языку.

Ну, вот. Сейчас он расскажет, что таким, как я, не место в образцово-показательной гимназии, что я вселенское зло, не умеющее ни преподавать, ни находить подход к ребёнку. К этому всё и велось. Наверное, и Лев Моисеевич приложил усилия, чтобы опорочить моё честное учительское имя.

Я молчу как партизан на допросе. Мне остаётся только гордо голову держать повыше. Если он ждёт, что я начну каяться, – не дождётся.

– Именно поэтому я предлагаю вам пообщаться и позаниматься с моим сыном более плотно.

Ах, да. Я и забыла о его предложении от расстроенных чувств.

– Может, вам стоит найти другого преподавателя? Более опытного?

– А вы не вполне компетентны? – прищуривает папа Драконов левый глаз, но по губам я вижу: он надсмехается. – Или у вас очень плотный график репетиторства? Так поверьте: я заплачу вам столько, что вполне можно подвинуть толпу желающих и освободить время для Вани.

Я позорно молчу, но он улавливает моё колебание и спешит ставить точку в нашем нелёгком разговоре.

– Вот и прекрасно. Думаю, мы договорились. Вторник и суббота – с трёх до пяти, четверг – с четырёх до шести. Будьте пунктуальны. Вас будет забирать водитель, и, надеюсь, в ближайшее время с русским языком у нас всё наладится.

По-моему, это ловушка. Он всё продумал до мелочей, и даже время сам назначил. Он знает, что во вторник у меня методический день, а в четверг – кружок до полчетвёртого.

– Всего доброго, Варвара Андреевна. До встречи.

– До свидания, – пролепетала я ему в спину.

Вот так и случается всё. Что «всё» определить я не смогла. Чувствовала только: выльется боком мне это элитное репетиторство. А Ванька Драконов станцует канкан на моих костях, от радости высоко задирая ноги.

Домой я доползла в какой-то прострации. Сидела на кухне, уставившись в одну точку, и ворочала тяжёлые мысли. А потом разозлилась. Что, собственно, случилось? Репетиторство? Да легко, как в балете! Я Ваньке таких фигвамов нарисую, они ещё не рады будут, что связались со мной. И неплохо было б мать его увидеть распрекрасную, которая неуловимая и недоступная – даже по телефону не ответила мне ни разу. А заодно изучу, в каких условиях живёт и воспитывается мой ученик. Милый, но довольно сложный.

Вечером неожиданно позвонил Пилон. Тот, который Сеня.

– Как настроение? – голос у него – бархатный баритон, журчит ручьём горным. Я вначале и не поняла, кто это. За выходные как-то свыклась с мыслью, что всё произошедшее в «Алых парусах» – придуманная история в духе Миргородской: вроде бы что-то было, а на самом деле – больше выдумки, чем реальности.

– Э-э-э... Пилон! То есть Сеня! – выпалила я, закрыв глаза. – Я понимаю, что Нина тебя просила поухаживать за мной и всё такое. Давай ты ей скажешь, что поухаживал, в кино приглашал, розы дарил, а я не повелась. И совесть твоя будет чиста, и стараться не нужно.

Я ещё никогда не слышала, чтобы так весело и легко смеялись. Очень такой натуральный искренний смех. Я даже трубку от уха отодвинула, чтобы не оглохнуть.

– Ты решила, что Нина попросила меня за тобой приударить? – поинтересовался он, отдышавшись. – Подумала, что мы тебя разыграли?

– Ну, не то, чтобы разыграли, – уточнила я, – а договорились. Она наплела тебе, что я в печали и нуждаюсь в поддержке. И хорошо, если это будет симпатичный мужчина, оказывающий знаки внимания.

– А я симпатичный мужчина? – в голосе его интерес и ирония.

– Очень, – ответила вполне искренне.

– Вот что, Варя. С Ниной, конечно, мы давние знакомые, это правда. Но, уверяю, встретились в клубе совершенно случайно, и ни о чём она меня не просила. И если ты думаешь, что не можешь привлекать внимание мужчин, то ошибаешься. Это не так. Поэтому предлагаю забыть этот разговор. И... может, встретимся?

– Сходим в кино, и ты подаришь мне цветы. И не потому, что так Нинка приказала, – попыталась свести всё к шутке, но вышло как-то горько – у меня аж слёзы брызнули.

– Да, – снова этот совершенно потрясающий смех, от которого на душе становится легко. – И ты узнаешь меня поближе. И поймёшь, что я не тот человек, который легко идёт на поводу у старых знакомых девушек. Если бы Нина действительно предложила мне подыграть ей, я бы сказал «нет». Даже таким напористым, как Нина.

– Н-н-ну-у, – протянула я, лихорадочно соображая, – в среду?..

– Договорились. Я позвоню, Варя.

И так это многообещающе прозвучало, что я растерялась. И долго ещё сидела, крутя в руках молчащий телефон. Может, и хорошо, что Витюша слинял? Вон, жизнь, кажется, налаживается. И совершенно не вовремя в голову пролез другой, хриплый голос, от воспоминания о котором меня в жар кинуло.

А ну брысь, брысь, давай! Кыш! Долго я ещё, спрашивается, буду вспоминать мимолётную историю, что получила кодовое название «позор на кафельном полу»?

Глава 8

Варя

Ровно в два у меня зазвонил телефон. Незнакомый номер.

– Варвара Андреевна? – вежливый холодный голос. – Я водитель Драконовых. Жду вас у подъезда вашего дома.

Упс. Я как бы не то, чтобы забыла о занятии, но утром подумала, что понятия не имею, куда и как мне добираться. Ума не хватило даже адрес в журнале посмотреть. Мысли не возникло, что водитель заберёт меня не из школы, а прямо из дома. Вот кто-то точно не поленился уточнить, где я живу.

Водитель – двухметровый шкаф. Плечистый, с челюстью-кирпичом и глазами цвета маренго – серо-синие с льдистой корочкой. Ему бы телохранителем работать.

– Валентин, – представился он, распахивая передо мной дверцу машины.

– Ну, а я, значит, та самая Варвара Андреевна, – пробормотала, устраиваясь поудобнее.

Ехали мы в гробовом молчании. Несколько минут я напрягала мозговую извилину, пытаюсь придумать сносную тему для беседы – ну, невозможно ж вот так молчать всю дорогу, но кроме дурацкой фразы: «Какая пррреккрасная погода» на ум ничего не приходило. А стоило только кинуть взор на лицо водителя, как даже дурацкие мысли позорно покинули мою отягощённую интеллектом голову. Лучше молчать, да. Может, он киллером подрабатывает. Купит его Ванька, кокнет меня этот Святой Валентин и прикопает где-нибудь под кустиком.

Пока я яростно фантазировала, мы приехали. Особняк. Нет, дворец. Короче, мне так не жить. Мда, почему бы Ваньке мне кукиши не рисовать? Вполне хороший символ учительской доли. Но не будем унижаться. Мы бедные, но гордые. Вот.

И первой встречает меня в этой резиденции небожителей мадам Драконова собственной персоной. Но, видимо, моё появление для неё – неожиданность. Я вижу это по её застывшему лицу.

Красивая, огненно-рыжая, как и Ванька. Или Ванька, как она, точнее. Холёная и молодая. Я-то думала, судя по папе, сынок – поздний ребёнок, а оно – вона что.

Александру Николаевну видеть мне не довелось ни разу, но то, что это она, жена папы Драконова, сомнений нет. Наблюдает за мной брезгливо. Плотно сжав губы. И ноздри её подрагивают, словно я дурно пахну.

– Кто вы такая и чем обязаны? – если бы голосом могли убивать, сейчас бы у её ног валялся мой трупик.

Ну, она же должна понимать, что просто так за их высокие заборы я попасть не могла никак? Тут, наверное, даже мухи по паспортам летают.

– Здравствуйте, Александра Николаевна. Меня зовут Варвара Андреевна, я учитель русского языка и литературы, а также классный руководитель вашего сына.

– И это я попросил Варвару Андреевну позаниматься с нашим сыном дополнительно.

Вынырнул откуда-то папа Драконов, на ходу застёгивая запонки на белоснежной рубашке. Хорррош. Ур-р-р-р!

Видели бы вы её лицо. Наверное, на моём она поймала восхищение в адрес собственного мужа и замерла, как анаконда перед броском. Я так и представила, как мадам Драконова заглатывает меня целиком.

Парочка обменивается такими огненными взглядами, что они красноречивее слов. Вслух супруги ничего не произносят, но мне хочется попятиться и выйти вон. И не возвращаться сюда никогда. Кажется, они в контрах, а тут ещё и я со своим русским языком.

– Пойдёмте, Варвара Андреевна, я провожу вас в комнату сына.

Как любезно. А я думала, не барское это дело. Слуги таким занимаются. К слову, слуг и не видно. Но они имеются. В таком огромном доме без помощников не обойтись. Я почему-то представила, как рыжая красotka Драконова на коленях

пол моет, и стало мне смешно. Еле удержалась. Нервное это всё.

- Иван, - отпрыск на строгий папин голос реагирует мгновенно.

Ванька сегодня бледный и линялый. И тихий чересчур. Стоит навтыжку, словно кол проглотил. И мордочка у него такая постная, что мне становится его жалко.

Ну, да. Вот такая я дура: он столько крови моей выпил, а я стою сейчас и чувствую себя виноватой. Этот момент мог стать бы моим триумфом, а стал чуть ли не самым горьким поражением.

- Надеюсь, ты всё понял, - давит на него Драконов-старший, недобро сверкая глазами.

Ванька бледнеет до синевы. Веснушки на его лице проступают отчётливо. Уши пылают.

- Иван Аркадьевич, - прошу я тихо, - можно, мы дальше сами?

Он смотрит на меня тяжёлым взглядом и уходит со словами:

- Если что, я рядом.

И звучит это зловеще. Вот уж не думала, что мальчишку так тиранят дома. Странно как-то.

- Ненавижу! - выдыхает сквозь стиснутые зубы Ванька, как только за отцом закрывается дверь, и смотрит на меня с такой яростью, что я понимаю: он сейчас устроит козью морду и мне, и несчастному русскому языку.

Он так и стоит посреди комнаты со сжатыми кулаками. Костяшки пальцев белеют, как игральные кости. Точечек только на них не хватает.

Я делаю несколько шажков, осматривая комнату. Очень хорошая пацанская комната. Сделано с любовью, как говорят. Богато, но не по шнурку. Нет идеальной чистоты и солдатского порядка. Валяются вещи. Груша боксёрская висит - маленькая такая, детская. Компьютер, конечно же, стол тетрадами,

учебниками завален. И я решаюсь. Если не сейчас, то потом никогда.

– Поиграть хочешь? – Ванька смотрит на меня недоверчиво. Он с толку сбит. – Не в компьютерную игру, конечно, но, может, тебе понравится?

Я подхожу к столу и начинаю перекидывать его вещи. Тетради в одну сторону, книги – в другую.

– У тебя есть альбом? А ещё мне нужны ножницы, карандаши, фломастеры, клей.

Ванька вздыхает и с видом опытного знатока и по совместительству фокусника выуживает всё перечисленное.

Решение пришло спонтанно. Мне сейчас важно, чтобы он оттаял. Не могу его видеть таким. Я не смотрю на него. Я занята очень важным делом. Рву листы из его шикарного альбома. Режу на прямоугольники. Не спешу. Любовно закругляю края, рисую рамочки фломастерами. За плечом пытит Ванька, но я не обращаю на него внимания.

– И что вы делаете? – интересуется он, делая вид, что ему скучно. Брезгливо морщит нос, совсем как его мамашка.

– Мы будем играть в карты, – сообщаю, заглядывая в карие глаза. – Но не простые, а волшебные.

Ванька скептически кривит губы. Ну и пусть. Я тоже не собиралась в игры играть, но сейчас не вижу другого пути.

Когда часа через полтора папа Драконов заглянул в дверь, мы с Ванькой ползали по полу, отвоёвывая друг у друга карточки со слогами, из которых составляли слова. Раскрасневшиеся в пылу нешуточной битвы, мы не сразу сообразили, что в комнате нас уже не двое.

– Сдавайся, Драконов! – хохочу я как Мефистофель.

– Ни за что! – пытит мой ученик и бесовестно захватывает в плен побольше вариантов, чтобы укрепить свои позиции.

– Я вижу брешь в твоей защите! Стена сейчас рухнет, потому что там слово с ошибкой! И мои воины войдут в твою крепость!

– А если так? – находит Ванька верное решение.

– А если так, то мы осаждаем! Рано или поздно твоя армия сделает ошибку, и мы ворвёмся победителями!

Наверное, никто ещё не видел у грозного Ивана Аркадьевича такого лица.

– Что здесь происходит? – спрашивает он, оглядывая «поле боя».

Я стою на коленях. Я сдуваю упавшую прядь с глаз и поспешно заправляю её за ухо. Пытаюсь оправить блузку и юбку. Мда, как-то мы увлеклись.

– Не мешай, пап! – Ванька весь в азарте, и пока я растерялась, отвоёвывает ещё несколько карточек.

– Гм-кхм, – почёсывает старший бровь и заинтересованно осматривает наши слова-сооружения. – Вот здесь у тебя...

– Не надо, пап, я сам! – сердится Драконов и лихорадочно пытается составить ещё несколько слов, пока мои «войска» дезориентированы. Укрепляет позиции, «стены замка», так сказать.

– Да нет же, – вдруг возражает папулька и... опускается на колени рядом с сыном. – Чушь собачья, ты что, не видишь? Нет такого – «кантингент». Есть «а-гент» и «кон-тин-ент». И «контингент» есть, кстати. Кон, а не кан.

– А «кан» тогда куда? – вырывает Ванька карточку из отцовских рук

– Кан-ал? Вул-кан? Тара-кан? – гадают папа и хищно поглядывают на мои баррикады и нехилую осаду.

– Не отдам! – закрываю я свои кровью и потом отвоёванные позиции раскрытыми ладонями. – И вообще, двое на одну – нечестно.

– На войне, как и в бизнесе, все средства хороши, – холодно возражает папуля, и по его расчётливым глазам я вижу, что сейчас начнётся «отжимание» моей собственности.

Возразить я не успеваю. Как-то не до того мне становится. В открытых дверях стоит Александра свет Николаевна и прожигает меня таким взглядом, что в груди сердце сжимается в нехорошем предчувствии.

Как долго она за нами наблюдает? И почему мне кажется, что это война? И она сделает всё, чтобы жизнь моя перестала быть томной?..

Глава 9

Илья

Они ругались – отец и его жена Сашка.

– Иван, я не хочу больше видеть её в нашем доме! – шипела рассерженной тигрицей огненная «мачеха» – бывшая одноклассница старшего брата Димки. – Это моветон – приводить в дом учителя да ещё классного руководителя ребёнка! Если тебе так приспичило нанять репетитора, мог бы посоветоваться со мной, я бы подобрала Ванечке лучшего педагога, а не эту... проходимку!

– Ну, у тебя было предостаточно времени, чтобы и в школу сходить на собрание, и успехами единственного ребёнка поинтересоваться, и репетитора нанять такого, который бы тебе по душе пришёлся. Но ты всего этого не сделала, хоть и торчишь сутками дома и ничем иным не обременена. Я нашёл время, чтобы посетить школу и сделал выбор, подобрав ему лучшего учителя.

Отец делает акцент на слове «лучшего», а это значит – Сашка проиграла. Ей вообще не стоило рот открывать. С отцом не спорят. Отцу внимают и кивают. Но госпожа Драконова – бессмертная, поэтому спорит.

– Лучшего?! Это она-то лучшая?! Да она из яйца только вылупилась, не знает, что такое индивидуальный подход! И её профессиональные качества вызывают сомнения! Ни опыта, ни имени!

– У Варвары Андреевны будет и опыт, и имя, поверь, – и звучит это так зловеще, что даже мне хочется поёжиться. – Я разбираюсь в людях.

– Ну да, – язвит неожиданно горько Сашка, – молодая, перспективная. На свежую кровь потянуло, Драконов? По старым меткам, так сказать?

Батюшки! Да она же ревнует! И мне срочно захотелось увидеть чудо педагогической науки, из-за которой сыр-бор.

О чём старшее поколение спорит дальше, я уже не слышу: по широкому коридору на цыпочках бесшумно скользит фигурка. Я видел её дважды: на входе в клуб «Алые паруса» и в полутёмном коридоре, когда падал, лежал, целовал. Варешка. Убейте меня, но я узнал её сразу. Моментально.

Тело быстрее мозгов. По крайней мере, моё. Я ещё подумать ничего не успел толком, как кинулся и прижал её к стене.

– Ты что здесь делаешь? – я вжимался в неё с наслаждением. Пахла она чудесно: смесью парфюма, горячего тела и неожиданно осени, что заблудилась в её густых волосах на прямой пробор. Тёмно-коричневая паточка с глубокими оттенками рыжины. Я помню тяжесть её прядей у себя в руке.

– Пустите! – затрепыхалась она как рыбка, выброшенная из воды. – Что вы делаете?

– Варешка, – позвал я её и приподнял подбородок, заставляя посмотреть мне в глаза.

– Варвара Андреевна! – рявкнула девушка, ударила меня по рукам и двинула кулаком в грудь. И я отпустил. Сделал пару шагов назад. – Попрошу впредь обращаться ко мне по имени отчеству и не позволять себе лишнего!

Бог мой. Училка. Я завёлся так, что впору охладитель в трусы засунуть. О, да. Этот строгий колючий взгляд. Эта почти классическая блуза и юбка-карандаш. Столько достоинства, грации, праведного негодования. Правильная хорошая девочка. Но я помнил поцелуй с ней. И стон. И пальцы на бритом затылке. И тело, что изгибалось подо мной дикой кошкой.

Я помнил, а она нет. Не притворялась. Не делала вид, что видит впервые. Не узнала. Забыла. Вычеркнула из памяти. Ну, ничего, я освежу её воспоминания – обязательно. Теперь она от меня никуда не убежит.

– Илья Иванович Драконов, – учтиво склоняю голову, заложив обе руки за спину. – Средний сын Ивана Аркадьевича. А вы, я так понимаю, та самая учительница, репетитор, которую для Ваньки наняли.

– Да, – она смотрит на меня подозрительно. У неё два плюс два не сходится. Ну, надо помочь человеку в беде.

– Вы простите. Я спутал вас с другим человеком.

Она кивает мне по-королевски. Прощаю, мол, неразумный. У меня дико чешутся руки – хочется притронуться, смять, подчинить, увидеть страсть в её глазах. Она как наваждение – половодье, что переполнило реку моей жизни.

– Варвара Андреевна! – несётся по коридору Ванька. – Вы забыли! – пёстрый шарф змеёй скользит в руках брата. – Илюха! – переключается он на меня. – Привет!

Я подхватываю его на лету, мы шутивно боремся, а затем истинный сын своего отца оглядывает меня подозрительно и щурит лукавый глаз:

– А чего это ты заявился? Опять папа стружку снимать будет?

О Варваре Андреевне он забыл напрочь и шарф так и не отдал. Осторожно забираю аксессуар из его рук. Вот только обсуждений моего разгильдяйства при девушке, которую я решил склеить, мне не хватает.

– Нет. У нас перемирие и стратегические планы. И вообще я решил почаще к вам приезжать.

– Ура! – ликует младший брат, а я вручаю шарфик его драгоценной учительнице.

– Прошу, – снова склоняю голову. – Я провожу вас. Тут легко запутаться и потеряться. А вы здесь впервые, я так полагаю?

– Я сам, – неожиданно хмурит брови брателло и решительно берёт руку Варежки в свою. – Пойдёмте. Её дядя Валик домой отвезёт, – с каким-то мстительным злорадством объявляет он мне и тянет Варю за собой. И тут я понимаю, что собственничество у Драконовых – семейная черта. Видимо, от предков чешуйчатых передалась по наследству.

Варежка для меньшего то, что обозначают кратким, но ёмким словом «моя!». Любит он её или не любит, вероятно, даже ненавидит или терпеть не может – не зря уже второй год тянется история с его патологической безграмотностью и целой вереницей двоек, которую наставила ему «противная Барби дура». Так – догадываюсь я – братишка ласково называл именно Варвару свет Андреевну. И вот она нынче во плоти – легендарная личность, занимающая первые строчки хит-парада Ванькиных рассказней про школу.

Одно плохо. Я тоже успел для себя произнести собственническое «моя». Так что брату меньшему придётся поделиться. В безраздельное пользование он мне её не отдаст, я так понимаю.

Я вижу, как выскакивает Александра из библиотеки, где они с отцом скандалили при открытых дверях. Тихо, конечно, но я-то подслушал. Мог и кто-то другой их поймать. Ванька, к примеру. Незачем ребёнку все эти распри, ревность, подозрения. У них и так в семейке не тишь да благодать.

У «мачехи» рыжие волосы дыбом, грудь колесом, лицо красное, а каблуки она в покрытие напольное вдавливая так, что могут дыры остаться. Фурия. Бестия. Сумасшедшее торнадо. В такие моменты я думаю о том, как отцу все эти годы удавалось сладить с таким явно буйным темпераментом. Горячая штучка. Жаль только, энергия даром пропадает.

Честно говоря, я думал, она на Варешку нападёт. Гадость какую-нибудь скажет. Я вижу, как крепче сжимает Варину руку Ванька. Интересно: он готов её защищать? Но Сашка, мазнув по нам взглядом, шагает мимо. Ну, это и к лучшему. Пусть пар свой в другом месте спустит.

Я иду следом, как приклеенный. Даже не задумываюсь, почему делаю это. Почётный эскорт, блин. Дверь эта парочка открыть не успевает – она сама распахивается и Варвара свет Андреевна по инерции впиливается в широкую грудь вошедшего.

– Простите, – привычно извиняется она и поднимает глаза.

– Варя?!

– Ой... Сергей Александрович? А вы что здесь делаете?

Варешка счастливо хлопает ресницами и лучезарно улыбается.

– Хотел спросить то же самое, – бормочет мой двоюродный брат и бережно хватается её за руки. Сжимает нежно её ладони и оглядывает Варю с ног до головы взглядом, в котором сквозит восхищение.

Я чувствую, как, взрываясь и бабахая, летят к чёрту предохранители в моей башке. Ненавижу. Всеми фибрами души ненавижу!

Глава 10

Варя

Вот так встреча! Будь я менее сдержана, запрыгала бы на месте, как девчонка.

– Ва-а-аря-а-а, – смакует он радостно моё имя, и в глазах его зажигаются огоньки. – Как ты выросла, девочка! А ну, покрутись! – приказывает полушутя, но я не жеманничаю, а, счастливо смеясь, делаю медленный поворот вокруг своей

оси.

Сергей Александрович с удивительно вкусной фамилией Шорох. Когда-то я произносила её на все лады, прислушиваясь к завораживающему звучанию: шорох, шурх, ш-ш-ш...р-р-р... Что уж греха таить: примеряла в детских мечтах, как каждая девчонка примеряет на себя фамилию своего избранника, как фату. Сергей Александрович Шорох – моя первая любовь, принц моих девчоночьих грёз, недостижимая звезда, до которой я однажды поклялась достать.

Он с такой нежной бережностью сейчас держит мои руки, что хочется расплакаться. Сколько прошло лет? Четырнадцать! С ума сойти! Мне было тогда, как Ваньке. А Шорох казался взрослым и недостижимым, как небесное светило. И только сейчас я понимаю: он был молодым студентиком, мальчиком практически. Сколько ему сейчас? Тридцать два-тридцать три? Всего каких-то семь лет разницы. Почти стёртая граница. Наверное, он тоже об этом думает.

– Надеюсь, теперь ты перестанешь называть меня по имени отчеству. Нужно однозначно выпить на брудершафт. Ты так и не ответила, как попала сюда.

Ответить я не успеваю.

– Варвара Андреевна – моя учительница, ясно? – Ванька Драконов, мой персональный кошмар последних двух лет, резко выбивает из больших ладоней Шороха мои заграбастанные руки. – Мой репетитор по русскому, понятно?

Сергей Александрович в комическом ужасе поднимает вверх обе руки, давая понять, что сдаётся.

– Вы простите, – извиняюсь я дополнительно ещё и взглядом, – но брудершафт и шампанское когда-нибудь потом. Сейчас мне нужно идти.

– Ну, зачем же? – стреляет мне в спину холодный Драконовский голос Ивана Аркадьевича. – Оставайтесь, Варя, на ужин. Вы почти что член семьи теперь.

Я растерянно оборачиваюсь. Не слишком ли стремительно я стала «почти членом»? И пока я придумываю достойный ответ, чтобы отказаться, Сергей Александрович решает меня добить окончательно:

– Кстати, Варя, – спрашивает он в абсолютной тишине, где слышно только, как рассерженным ёжиком сопит мой ученик Ванька, – ты ещё не передумала выходить за меня замуж?

Я краснею, как ошпаренный рак, со свистом хватаю открытым ртом воздух, слышу, как одновременно вскрикивают Ваня и почему-то Илья – средний Драконов, на которого я стараюсь не смотреть с тех пор, как он беспардонно зажал меня в коридоре.

– Замуж? – хищно поводит носом папуля Драконов. – Тогда вы обязаны остаться на ужин, Варя. Заодно я хочу услышать историю, почему или как вы до сих пор не окольцевали Сергея, гкхм, Александровича.

У меня голова кругом. Я уже ничего не понимаю.

– Что здесь происходит? – спрашиваю слабеющим голосом, полностью дезориентированная и растерянная.

– Семейный ужин, – разводит руками Сергей Александрович.

– А вы тоже часть этой семьи? – как-то не укладывается ни одна шпала в моей голове.

– Часть, часть, – зловеще и даже с затаённой угрозой подтверждает Илья. – Он тоже Драконов.

Драконов?.. А как же Шорох?..

Наверное, все вопросы у меня на лице написаны. Сергей Александрович снова разводит руками и комично ломает бровь.

– Я всё объясню вам, Варя, – вздыхает он сокрушённо и снова берёт меня за руку. – Оставайтесь. Будет весело.

Я уже хохочу. И больше всего мне не хочется оставаться в этом доме. Сбежать – самая трезвая и правильная мысль. Но мнения у меня уже никто не спрашивает. С двух сторон, оттеснив Ваньку, берут моё тело в оборот Иван Аркадьевич и

Сергей Александрович – два высоких широкоплечих шкафа. Сзади вышагивает немного проигрывающий им в росте Илья. И хвостом плетётся Ванька.

В таком составе мы и вваливаемся в столовую или как там называется этот почти тронный зал. Да почему почти? Тронный и есть: во главе стола вполне себе царственное сиденье с высокой спинкой, резными подлокотниками.

Драконовская жена, Александра Николаевна, покрываясь красными пятнами, кидает на меня пламенные взгляды, но то ли вежливость не позволяет ей нескромные вопросы задавать, то ли в зобу дыханье спёрло от моей вопиющей наглости. Поверь, дорогуша, я б сюда ни ногой, если бы не почётный эскорт, который приволок меня не спрашивая, хочу ли я ужинать и хочу ли вообще находиться в этой сумасшедшей семейке.

– Отца не будет, – сообщает Сергей Александрович и ловит сухой кивок Драконова-старшего, который занимает почётное хозяйское место во главе стола.

Боже, какие понты. Как бы не заржать в голос. К сожалению, Драконов смотрится величественно. Ему идёт роль царя.

– Я так понимаю, вы знакомы? – начинает светскую беседу-допрос глава семейства, пока накрывают стол. По правую руку, не поднимая глаз, сидит его жена. Рядом с ней крутится, не в силах усидеть на месте спокойно, Ванька.

По левую руку от отца вальяжно развалился на стуле Илья. Я невольно кошусь на него. Сильное, уверенное в себе тело. Он какой-то неправильный. Всё в нём – от стрижки с бритыми висками до одежды – отличается от консервативного духа этого дворца. Он и на Драконова не очень похож. Даже глаза у него не такого замороженного оттенка, как у папы. Живее, что ли, ярче, выразительнее. А вообще у него на лбу написано: Плохой Мальчик. Бунтарь. Бабник.

По таким экземплярам плачут девчонки в школе. Тянет их за собой, как наркотик, невыносимая харизма подобных раздолбаев. И каждая мечтает, что станет его звездой. Может, и станет. На час. Я давно уже утратила иллюзии по поводу очаровательных хулиганов. Да и насмотрелась на них в «образцово-показательной» гимназии: среди папенькиных сынков харизматичные негодяи встречаются не так уж и редко. А может, и почаще, чем в обычных школах.

От таких, как Илья, я стараюсь держаться подальше. Втрескаться в такого труда не составит – у него там обаяния хватит на батальон баб. И он легко пройдёт по бездыханным телам, оставляя после себя разбитые сердца. Быть «одной из» я не желала. Поэтому – лучше на расстоянии. Желательно, я на земле, а такие, как он, пусть осваивают стратосферу и выше – им всё по плечу. И выбор широк.

– Знакомы, – уверенно и спокойно звучит голос Сергея Александровича, что сидит слева от меня. – Мы с Варей очень давние знакомые.

– Насколько давние? – у Драконова разве что из ушей не лезет какой-то жёстко-жадный интерес.

– Ну, лет пятнадцать, кажется, уже прошло.

Я так и вижу, как все занялись подсчётами. Даже Ванька глаза закатил. Первой хмыкает Александра Николаевна. За ней прячет весёлые глаза Илья.

– И сколько вам было лет, Варвара Андреевна, когда вы замуж собрались за Сергея, напомните нам, пожалуйста? – голос у Драконова почти нейтральный, но я чувствую кожей лёгкую, тончайшую насмешку.

– Двенадцать, – признаюсь я, просверливая взглядом дырки в белой тарелке, что стоит передо мной.

Выдох. Собственно, что я так переживаю? Сто лет прошло.

– Я предложила ему жениться на мне, когда вырасту, – улыбаюсь, виновато разводя руками. Давая понять, что чего не скажешь в детстве. Но в этом сумасшедшем доме почему-то так не считают.

– И что он вам ответил? – у Драконова глаза-шпильки. Ему бы бабочек коллекционировать.

– Я сказал, дядя Ваня, что обязательно женюсь, как только она повзрослеет.

– Гкхм, гм, – прочистил горло «дядя Ваня» глубокомысленно. Но лучше бы он молчал, честное слово! – И, как ты считаешь, Варвара Андреевна достаточно повзрослела? Вы же не замужем, насколько я знаю?

И в этот момент я поняла, что ничего не понимаю. Напрочь. Окончательно. Это что, у них тут шуточки такие?!

Глава 11

Илья

То, что отец в очередной раз собрался полоскать мозги, я понимал, собираясь на этот ужин для аутсайдеров. Даже слегка приготовился, наскрёб аргументов, чтобы сдержать пыл родителя, восплававшего на старости лет к великим семейным ценностям.

Он бы со своей Сашкой разобрался, деятель. Нет же, никак не угомонится, пока всех не переженит и не пристроит. После того, как Димка счастливо удрал в брак с Никой и успел заделать малыша, отца немного попустило, но по косвенным признакам и по растущему недовольству папы Лунина, я чувствовал: спокойствию конец.

Я бы не удивился, если б на званый ужин явился Лунин с женой и приволок Тинку. Для совместной обработки материала, так сказать. Но появление двоюродного брата Серёжи, мягко говоря, порвало шаблон. А разговоры за столом и взбесили, и заставили взбодриться до состояния электрошокера: тронь – и ударю разрядом с искрами и фейерверками.

Бедную Варешку затретировали до состояния загнанной зверушки. Она и шутить пыталась, но слабо, слабо как-то, неубедительно. А папин интерес к детской истории с замужеством прямо-таки нездоровый.

И пока они там пытались выяснить, кто кого на ком женить хотел, мою бедовую голову некстати озарила мысль: а какого, собственно, хрена братец Серёженька приглашён? И не подстава ли появление Вареньки в доме? Хорошо продуманная

и взвешенная акция? Отец мой шага лишнего не ступит, пока не просчитает всё до мелочей.

В то, что он положил глаз на молодую училку сына, я не верил. Ну, гипотетически, конечно, возможно, учитывая, как он отхватил в жёны Сашку, но я всё же надеялся, что козлизм его к сорока восьми годам поутих.

– Я... э-э-э... ничего не понимаю, – заикается и краснеет Варешка. – Какое, собственно, дело замужем я или нет? И какое сейчас имеет значение история четырнадцатилетней давности? Я тогда ребёнком была. Вы же сейчас шутите? И всё это несерьёзно?

Она распалась и набирала ход, как голубой вагон с Чебурашкой и Крокодилом Геной на борту.

– Да шутят они, шутят, – решил я вмешаться и пожалеть бедную девушку. – Разговаривают ни о чём, чтобы аппетит нагулять. Беседы о свадьбах увлекательные очень. Каждая девушка мечтает удачно выйти замуж, неправда ли?

– Неправда, – выпрямляет спину Варешка, не принимая моей игры. Видимо, чувство юмора у неё отсутствует или дало сбой именно в эту минуту. А жаль. – Замуж не напасть, лишь бы замужем не пропасть, – произносит она с таким выражением лица, что я прям осязаю её тоску. Девочку кто-то обидел? Интересно. Очень.

Мне бы заткнуться, но пока Серёженька с отцом ведут какой-то молчаливый разговор глазами – переглядываются и жонглируют бровями, я разворачиваюсь во всю ширь своего мерзкого характера.

– Вот тут вы, Варвара Андреевна, можете быть абсолютно спокойны, как Далай-лама, познавший дзен. Драконовы – самый надёжный и элитный золотой генофонд нации. Потрясающие образцы мужей и отцов. Великие зачинатели великолепных детишек преимущественно мужескаго полу.

– Илюха, щас в зуб дам, – неожиданно щетинится брат Ванька.

Это он что, Варешку сейчас защищает? И у меня неожиданно складывается пазл в голове. «Барби – дура», «Самая противная училка русиша», – всплывают разглагольствований юного мучителя и персонального кошмара учителей элитной гимназии. Это ж он о Варешке так лестно отзывался? Что изменилось с той поры? Она ж ему лебедями-двойками весь дневник разукрасила. И сейчас за «Барби-дуру» он готов дать мне в зуб?

Я вдруг осознаю всю пропасть неслыханного по своей силе предательства. Мы с Ванькой внешне не родственники. Как свинья на коня похожи. Но по складу ума, темпераменту, выходкам – несомненное сходство. Порой я ощущал с ним такую космическую связь, что нередко восхищался щедростью и отличным чувством юмора матушки-природы.

А тут вдруг ради неизвестной тётки он готов со мной сцепиться по-настоящему. Ну, ладно. Из-за Варешки. Я б за такую тоже кому хочешь в морду заехал. Серёженьке, к примеру. Смотрит он на Варю как-то собственнически. И глаза у него блестят, как у пьяного. Хрен тебе, братец, а не Варешка. Птица обломинго, понял? Что бы вы там с моим коварным папкой ни придумали, я найду способ поломать ваши грандиозные планы.

– Я, пожалуй, пойду. Вы извините, – кладёт на стол скомканную льняную салфетку с вышитой монограммой Варенька.

Прямая спина. Напряжённые плечи. Голова опущена. Волосы скрывают лицо наполовину – упали косыми прядями на щёки. Тёмные брови сведены, а красивые губы сжаты. Она медленно поднимается, поправляя юбку, пытается удержать глубокий вздох: ей явно не хватает воздуха.

– Присядьте, Варвара Андреевна, – командует властно отец, и я вижу, как у неё невольно подгибаются колени. Старший Драконов умеет подчинять, но Варя обуздывает себя. Качает отрицательно головой:

– Мне здесь не место. И, согласившись, я сделала ошибку. К тому же, мне пора.

– Сядьте! – голос у отца тихий, но интонация такая, что не подчиниться ему может только самоубийца. Варя нормальная, и вторую волну давления не выдерживает – падает на стул назад. – Поешьте. Валентин отвезёт вас потом домой.

И всё. Провал. Скучный ужин, где все жуют. Беседы ни о чём. Деликатный стук ложек и вилок. Сашка и Варя почти не едят. Будь у отцовской супруги хвост, она б выбивала им ковровое покрытие. Пыль столбом стояла бы.

И ради этого мне не дали спокойно поболеть? Я пёрся сюда, чтобы послушать, как Серёженька рассказывает, за счёт чего он расширяет полиграфический бизнес? Но Варя неожиданно увлекается его рассказом, глаза у неё блестят неподдельным интересом.

- Бабушка гордилась бы вами, - сокрушается она.

- Натальи Николаевны больше нет? - у брата такое лицо, что мне немного становится стыдно за свою неприязнь к нему. Собственно, нам делить нечего. Кроме одного: по какой-то прихоти судьбы его воспитывал наш отец, в то время, когда Димка рос с матерью, а я - с бабулей Асей.

Я до сих пор не понимаю этой несправедливости, хотя давно пора и забыть, и расстаться с детскими обидами, и отца простить. Но мы так до сих пор и не поговорили по душам. Отец пытался, а я не смог ни разу выслушать его объяснения. Или извинения. В общем, не смог.

- Умерла в прошлом году. Сердце. Очень быстрая и лёгкая смерть во сне, - делится горем Варешка. - Она часто вспоминала вас. Гордилась вами. Бабушка преподавала в университете экономику, - поясняет она отцу, что прислушивается к их беседе, но не вмешивается. Лицо у него очень заинтересованное. Внимает каждому слову. Он умеет, да. - Сергей Александрович был одним из лучших её студентов.

Серёженька, конечно, молодец. Это с виду он мягконький и добренький, а на самом деле - негиббемый перец. Весь в моего отца. Да и в своего тоже, но с дядей Сашей они в контрах. Это нас и роднит: нелюбимые сыновья. Но тот факт, что двоюродный брат сирота, вырос без матери и безразличен собственному отцу, не смягчает ни моего сердца, ни моего отношения к нему. Ненавижу. Стойко и всей душой.

Я жду окончания тягомотины под названием «ужин в семейном кругу». И пока отец, Серёженька и Варя пытаются вести светский разговор, в моей голове

рождается план. Держись, брателло. Сегодня ты узнаешь, что значит оказаться за бортом. На крутых виражах выбрасывает тех, кто забывает о ремнях безопасности. Шорох сегодня явно не пристегнулся. Так что – чао, бамбино. Я покажу тебе фигуры высшего пилотажа, но ты их понаблюдаешь с наружной стороны лобового стекла.

Глава 12

Варя

Я так до конца и не расслабилась, хотя моментами чувствовала себя сносно. Я была счастлива, когда поняла, что ужин подходит к концу. Я сдерживалась изо всех сил, чтобы не вздохнуть с облегчением. Старалась быть вежливой до конца, но подвиг этот давался с трудом.

Напрягало слишком пристальное внимание мужчин, включая и рыжего Ваньку, который следил за мной тяжёлым взглядом. Не удивлюсь, если он задумал очередную пакость, которую завтра разыграет как по нотам перед всем классом. То, что мы сегодня неплохо поладили с ним, ещё ничего не значит.

Я устала и хотела домой. В тишину и спокойствие. Но мучениям моим ещё конец не пришёл.

– Было приятно познакомиться поближе, – к счастью, папа Драконов руки не целовал. А то б я не выдержала подобной галантности. – Как и обещал, Валентин отвезёт вас домой.

Я раскланиваюсь со всеми. Мадам Драконова сухо кивает в ответ. Ванька машет рукой.

– Я сам отвезу Варвару Андреевну, – неожиданно заявляет Илья и, схватив меня под локоть, тянет за собой. – Пусть Валентин отдыхает.

– Нет, Варвару Андреевну отвезёт водитель. А ты мне ещё нужен здесь, сын.

Я б от такого тона сквозь землю провалилась. Но у Ильи, видимо, иммунитет на папу. Он и не думает меня отпускать.

– Устал. Нездоров. Ты же помнишь. Давай все разговоры отложим на следующий раз.

– Приедешь? – сверлит его взглядом папаша.

– Обещаю! – легко отделяется от него средний сын на ходу. Он успевает подать мою куртку и натянуть свою, пока идёт этот молниеносный разговор.

– Варя, – окликает меня Сергей Александрович, – не убегай. Мы с тобой тоже не успели поговорить.

– Девушка устала, Серж, – теснит меня плечом к выходу Илья. – Потом поговорите.

– Варя, я позвоню, – обещает лучший ученик моей бабушки, и как-то нехорошо сверкают холодной сталью его глаза. У них у всех, кроме Ваньки, серые глаза. Семейное сходство. Они могут внешне отличаться, но их глаза ни с чем не спутать.

Я киваю Сергею Александровичу, и буксир по имени Илюша выталкивает меня на улицу. Он слишком быстр, а я устала и растерялась. И только в машине соображаю, что Шорох позвонит мне разве что в рельсу: мы не обменялись телефонами.

Илья стартует так, что я от неожиданности визжу.

– Полетаем, Варешка? – склоняет он ко мне голову, защёлкивая ремни безопасности. Голос у него становится ниже, и я вдруг вспоминаю другого парня. Того, из «Алых парусов». Наваждение какое-то. Сдался мне тот бездарный футболист, что проломил мои ворота.

Вопрос, судя по всему, чисто риторический. Машина несётся на такой скорости, что хочется зажмуриться.

– Может, ты не будешь так гнать? – спрашиваю слабым голосом. – Я ещё завещание не написала. Вдруг что случится, кому все мои сбережения достанутся?

– Драконам, кому же ещё? Драконы очень любят сокровища, чужие квартиры, всякие раритеты. Думаешь, зря тебя папулька обхаживал?

У него невозмутимая рожа. А у меня глазик задёргался. Я старательно не смотрю в окно, но чувствую: ещё немного – и оторвёмся от земли. И полетим, как страусы, махая коротенькими недоразвитыми крылышками. А вон там река должна быть. Может, уже пора жабры отращивать? Октябрь месяц заканчивается. Мама, я не хочу в холодную воду! У меня руки мёрзнут!

– Ты хоть бы спросил, куда ехать. Или это уже не важно? – обнимаю руками колени.

Машина замедляет ход. Неужели?

– А ты совсем слабая, Варешка. Укачало?

– Никто не называет меня Варешкой, – перевожу дух. – Нет, я скорости боюсь, кажется. А ты что-то хотел мне сказать?

– С чего ты взяла? – косит он весёлым глазом.

– Уволок слишком настойчиво. Обычно так делают, когда чего-то хотят. Будешь учить уму-разуму? Расскажешь, чтобы я к папе не приставала?

–Пф-ф-ф, – фыркает Драконов пренебрежительно. – Бедная у вас фантазия, Варвара Андреевна, для учительницы русского языка. Вы же как бы литератор. Книги гипотетически можете писать. Где размах эпопеиста? Где хитросплетение сюжетных линий?

Эпопеист – это сильно. Я прям ооченела, как сурикатик в стойке «столбик». Круто. На подпитии не выговоришь. Тут главное – не вестись. Я в курсе, что он брат Ваньки по отцу. И понимаю, сколько в них похожего. Кажется, троллить – это их семейная черта. Я уже сочувствую тем учителям, что учили этого живчика

с бритыми висками.

– У меня непростой день выдался. Я устала, – пытаюсь охладить его самым ледяным тоном из моего учительского набора. – Можно ли без клоунады?

– Можно, – соглашается он почти нормальным голосом. – Ничего не хочу. Ничего от тебя не надо. Разве что это.

Тормозит этот хакер ночных дорог виртуозно. Жопу его машины заносит, когда он прижимается к обочине. И почти одновременно с этим манёвром он отрывает руки от руля, запускает их мне в волосы и целует. Жадно. В губы.

Я отпихнуть его хочу, упираюсь ладонями в грудь, а затем какого-то чёрта втягиваюсь в процесс. Илья целуется умопомрачительно. Вначале напористо, немного жёстко. А затем, как только я перестаю брыкаться, медленно и нежно. И такое впечатление, что нет для него ничего важнее. Что я та самая – единственная и неповторимая. Дорогая. Желанная. Любимая.

И я падаю в эту ловушку, как беззащитный кролик. Проваливаюсь вместе с ушами, шкуркой и пушистым хвостом. Нырять в поцелуй на такую глубину, откуда подводные лодки не всегда всплывают.

Руки мои что-то такое вытворяют – притягивают этого очаровательного негодяя ближе. Пальцы приятно покалывают короткие волосы на затылке. Совсем как у того, в «Парусах». Но я почти не думаю о том парне – так, всплывает бледная тень. Их и сравнивать нельзя – разные совсем.

Со мной что-то не так. Видимо, тело не вовремя проснулось. Вспомнило, что секса давно не было. Но об этом я тоже почти не думаю, пока самозабвенно целуюсь с Драконовым. Мне нравится сам процесс. А гормоны в голову бьют совсем как в подростковом возрасте, из которого, как из короткой юбочки в складку, я безнадежно выросла.

Его руки касаются груди. Через куртку и прочие шмотки. А хочется, чтобы он понахальничал, залез, сжал. Почувствовать его ладони, кожу, пальцы. Помешательство. Отключение мозга. Полная и безоговорочная капитуляция.

Он отпускает мои губы. Дышит тяжело, словно в шахте вкалывал. Мы сидим лоб в лоб. И нет ничего, кроме нашего загнанного дыхания.

– У меня от тебя крышу рвёт, Варешка, – бормочет Илья и снова касается моих губ своими. Правда, не взасос, а так, слегка. – Поехали?

И я понимаю, от того, что я сейчас скажу, зависит, куда мы поедем. Ко мне или к нему. И если поедем хоть в какую сторону, закончится это одинаково. В общем, поехать не поехали, а уже приехали.

Глава 13

Илья

Я помню её тело под собой. И губы у неё всё такие же – прохладные, спелые, как вишни. Ей безумно идёт эта помада. А я бы слизывал её бесконечно.

Что-то такое творится в моей башке невероятное. Ведь девушка как девушка. Симпатичная, но, к примеру, с Тинкой ей не тягаться ни по холёной красоте, ни по стилю, изяществу и лоску.

Но Тинка как манекен в витрине. А Варешка живая. К тому же меня безумно заводит сочетание пуританской строгости и огня, что внутри у неё пылает. Это как контрастный душ: холодный учительский тон и горячий сексуальный отклик. Я помню, как она выгибалась и стонала. И жутко хочу испытать это снова.

Меня бесит, что она запомнила нашу первую встречу. Хочется съязвить и уколоть. Но я не посмею. Ни за что. Пусть будет так, раз она забыла. Главное – я храню в памяти малейшие нюансы знаменательного знакомства в полутёмном коридоре на кафельном полу.

Нас трясёт как на вершине проснувшегося вулкана. И её – не меньше, чем меня. Поэтому я завожу машину и везу Варешку к себе. Плевать на всё. Потом будем разбираться с совестью, деталями, обстоятельствами.

Она потрясённо молчит, когда я тяну её за собой. Идёт, как школьница. И лицо у неё растерянное, но не возражает же. В лифте я снова целую её – не могу сдержаться. Как быстро, оказывается, ездит этот шкаф – не успел даже насладиться. Ну, ничего, сейчас мы всё наверстаем.

Не знаю, как я умудряюсь и Варешку к двери собой прижимать, и ключом в замок попадать, и дверь открывать. Я всё больше убеждаюсь: отсоединить меня от её тела разве что подъёмный кран сумеет. Примагнитило так, что с кровью оторвёт.

В тёмном коридоре я продолжаю упоённо её целовать. Глажу раскрасневшиеся щёки, пропускаю в ладонях тяжёлые пряди. Варешка пахнет вишнями и осенью. Немного морозом и тонкими духами. Что-то такое неуловимо сексуально-возбуждающее.

Она судорожно вздыхает, всхлипывая. Трётся об меня. Её груди отлично ложатся в мои ладони. Слишком много одежды. Надо это как-то исправить. Но мне сейчас хорошо и так. Оказывается, это здорово – просто целовать девушку. Как же меня будоражат эти поцелуи и реакция Варешки!

Неожиданно вспыхивает свет и больно режет по глазам. Ослепляет. Варя сжимается в комок. Прикрывает руками голову. И за этот ужасный жест я готов разорвать на части того, кто посмел её напугать.

Раз-два-три. Так отрывисто звучат хлопки в ладони. Мне даже поворачиваться не нужно: я знаю, кто этот монстр, что влез в мою берлогу и пытается сейчас устроить показательную сцену ревности.

– Bravo, Драконов, – язвит моя невеста Лунина, подпирая бедром стену. – Я тут жду тебя, как верная Пенелопа. Все дела свои отложила. Решила полечить тебя, несчастного. И что я вижу? Ты пытаешься мне изменить? С этой?..

В голосе её – презрение и снобизм. Варя стоит, опустив голову. Ну, конечно. Она выглядит как училка. А ещё – жалкой и раздавленной. В простой курточке, юбочке своей строгой. С великими брендами её одежде не тягаться. Я заслоняю её собой в остром желании защитить. Зло смотрю на холёную Тинку, и бешенство туманит разум.

– Извинись, – в голосе моём – ничего хорошего. Тинка задирает подбородок. Она готова к схватке. Кривит губы и мечет молнии глазами.

– Я?! Извиниться!? Драконов, ты ничего не попутал? Это ты сейчас пытаешься мне изменить, не я! Это ты приволок в дом свою шалаву, и мне ещё за это извиняться?!

– Я пойду, – устало и бесцветно произносит Варя и, кинувшись к двери, уходит. Я слышу, как частят её каблучки по ступенькам вниз.

– Ну, Тинка! – рычу я и выскакиваю за Варей вслед. – Варя, подожди!

Я догоняю её уже на выходе из подъезда. Хватаю за руку. Она вырывается, как дикое раненое животное.

– Не надо! – в голосе её слёзы, но глаза сухие. – Ты прости. Это было что-то ненормальное. Я вызову такси. Ты иди.

Она пытается тыкать дрожащими пальцами телефон.

– Какое такси! – грубо вырываю мобилку из рук. – Я отвезу тебя домой.

– Спасибо, мы уже съездили, – язвит она и отвешивает саркастический поклон. – Если ты сейчас попробуешь меня заставить или надавить, я закричу. Не делай того, о чём потом пожалеешь! Верни телефон и дай мне уехать.

Мысленно плююсь и в сердцах сую мобильник назад.

– Ты иди, я сама. Тебя там ждут.

– Подождут, – грублю и чувствую, как ярость рвёт грудную клетку.

Ну, не объяснять же на улице, что Тинка – моя якобы невеста, а на самом деле – недоразумение, что досталось мне в наследство от матримониальной сделки семей Драконовых и Луниных. Тинке предстояло вступить в брак с моим братом. Так старые интриганы порешили. В результате Димка отхватил Тинкину сестру, а мне, чтобы «товар» не пропал, досталась эта адова девка, которая боялась

выходить замуж, любила свободу и более-менее вела себя сносно до сегодняшнего дня.

- До встречи, - прощаюсь я с Варешкой.

- Надеюсь, мы больше никогда не пересечёмся, - учительским тоном произносит эта ведьма и с видом королевы захлопывает за собой дверь такси.

Ага. Щаз-з-з. Наивная. Плохо, что номер её телефона не взял. Но это поправимо. А пока нужно разобраться с коброй, что засела у меня в берлоге и плюётся ядом.

- Илюш, ты же не сердишься? - трётся Тинка об меня прямо в коридоре и преданно заглядывает в глаза. О, да, я знаю цену этому распахнуто-невинному взгляду. Знаю «искренность» этих по-детски припухлых губ. - Планочку сорвало, - откровенничает она, обнимая меня за шею, и пытается закинуть ногу на моё бедро.

- Тина, - отстраняю её от себя и стягиваю куртку. - Когда мне тебя навязали, мы договорились, помнишь? Ты боишься замужа как огня, я не горю желанием жениться. Но раз родители нас повязали по рукам и ногам, значит делаем вид, что мы приглядываемся друг к другу. Что нам нужно время, чтобы принять важное и ответственное решение. Делаем вид, Тина. Мы договаривались. А ещё мы договаривались, что ты не лезешь в мою жизнь, я - в твою. Не интересуюсь, с кем ты спишь и где. Чем занимаешься и когда. Мы существуем параллельно - об этом шла речь. И заметь: я даже спать с тобой не хотел. Ты сама ко мне в постель залезла.

- Ой-ой-ой, - кривит Тинка губы, - святой Илья. Можно подумать, берёг свою ценность. Да ты даже сопротивляться не стал. И кого ты обманываешь? Рано или поздно мы всё равно оказались бы в одной постели. Вопрос времени - всего лишь. Ты что, влюбился, что ли? В эту облезлую кошку?

Раз-два-три, чтобы не сказать чего-нибудь лишнего и грубого.

- Собирайся. Тебя ждёт такси. Я вызвал. Ключи от моей квартиры оставь на тумбочке. Вещи твои я упакую и отправлю курьером. С этого дня - дистанция в пять метров. Будь добра, не наглей. Я не твоя собственность, и юзать меня, как тебе угодно, не позволю. Ясно?

– Ясно, – вздыхает Тинка. Внешне она и не расстроена, и не обижена. – Но не забывай: ты всё ещё мой жених. И все свои шуры-муры проворачивай тайно. И предохраняться не забывай, окей? А то не хочется, знаешь ли, лечиться после всяких.

– Вон! – рычу я как неандерталец и выталкиваю Тинку в шею за дверь. Туда же летит её верхняя одежда от кутюр. С наслаждением щёлкаю замком.

Да, я не джентльмен. Никогда им не был. И пусть скажет спасибо, что я и так её долго терпел. Пора заканчивать этот идиотский фарс с помолвкой.

Глава 14

Варя

Вычеркнуть и забыть. Я вообще не знаю, что это было. Он слишком напорист, этот Илья Драконов. А я растерялась что-то. Голову потеряла. Ведь видела, что он за фрукт. Серьга в ухе, джинсы и обаяние из всех щелей. Повелась, как дурочка. Поддалась на приманку. Но с кем не бывает – что теперь об этом думать.

Хуже всего – я почувствовала себя униженной, когда его стерву увидела. Мне до неё как до космоса. А ему как раз такая подходит. Мальчик-мажор и элитная сука из заповедника гоблинов. Каждой собаке своё место. Я своё знала отлично, поэтому дала задний ход – и только меня и видели.

Дома я долго стояла под душем, смывая послевкусию долгого дня, зато спала отлично и наутро чувствовала себя как всегда: бодрой, энергичной, готовой сворачивать горы.

Ванька Драконов на уроке сидел тихо, словно ему шептали. Подозреваю, отец поговорил с ним по душам. Но подобные затишья – перед бурей. Сидел он мрачный, кусал губы и сопел, яростно черкая ручкой в тетради. Но когда прошлась по классу, проверяя, как мой б-А справился с заданием, никаких фигов у Драконова не обнаружила. Он наконец-то дописал упражнение до

конца. С ошибками, но явно старался.

– Молодец, – похвалила и машинально хотела погладить по голове, как я с другими детишками делала. Есть у меня эта привычка – прикасаться, поощряя. Драконов дёрнулся от меня, как чёрт от ладана и зыркнул глазищами так, что я руку за спину спрятала. Лучше, конечно, его не трогать, не нарушать хрупкое перемирие.

Но рано я радовалась: после шестого урока меня снова позвал глас Зевса-громовержца. Головомойка по средам – это становится традицией. Небось Дракониха прилетела – дым из ноздрей. Но я ошиблась.

– Вот, полюбуйтесь, Варвара Андреевна, – шевелит клочковатыми бровями Лев Моисеевич, – ваши ученики устроили драку посреди урока. Молодую учительницу до истерики довели. Травмировали вашу коллегу, между прочим.

На слове «травмировали» я зависла. Они что, бедной географичке нос разбили? Или фингал под глаз поставили?

– Ваня, Егор, что случилось? – сверлю взглядом Драконова и Михайловича. Фамилия у него такая. Михайло?вич. Он ещё без конца повторяет для тех, кто путает: «Я не Миха?йлович, а Михайло?вич! Это не отчество, а фамилия!».

– А что Егор, что как сразу, так Егор? – голос Михайловича даёт петуха, срывается в подвизгивание, отчего становится смешно, и очень тяжело удержать губы на месте. Лев Моисеевич закашлялся. Видимо, тоже проняло.

– Что вы опять натворили? – цежу сквозь зубы.

– Подрались ваши орлы. Прошу, Варвара Андреевна разобраться в ситуации и принять меры, – директор впери́л суровый взгляд в провинившихся и приказал: – Вышли за дверь и ждите классного руководителя.

Сейчас Лев Моисеевич повоспитывает меня тет-а-тет. Готовлюсь кивать, а сама киплю: как хорошо всё шло, нет, в конце дня им нужно было подраться.

– Вот что, Варвара Андреевна. Вы там горячку не порите. Сами знаете, какие дети у нас учатся. У Драконова уже и мать, и отец побывали в школе – видите, как ребёнком интересуются? Так что повторно не дёргайте. Разберитесь самостоятельно, что они там не поделили.

– А как же травмированная коллега?

– Пара синяков на голени? Думаю, выживет. Учитель приходит работать с детьми. Должен быть готов ко всему. К тому же, ей тоже минус: не смогла дисциплину на уроке удержать.

Всё, Зевс сел на своего конька и минут пять красочно живописал, как нам повезло работать в образцово-показательной гимназии, где учатся чудные (с ударением не первый слог) дети.

Получив наставление и «отцовское» благословение, с каменным лицом выхожу из кабинета. Егор и Ванька сидят по разным углам в приёмной.

– Они и тут чуть не сцепились, – ябедничает секретарь Наташа. Но она девочка боевая, у неё не забалуешь. За шкуру – и в разные углы развела.

– За мной! – командую коротко и, не глядя, возвращаюсь в класс. Будь они постарше – уверена – сбежали бы. Но сейчас плетутся за мной, обречённые на экзекуцию.

Я усаживаю их за первые парты на разных рядах и пытаюсь имитировать жёсткий директорский взгляд. Два взъерошенных воробья. Рыжий и брюнет передо мной. Заразы мелкие.

– Ну?! – рыкнула грозно, аж стены задрожали и заметалось эхо в пустом классе.

Ванька лишь зыркнул и поплотнее сжал губы. Этот ничего не скажет – плавали, знаем.

– Он первый начал! – заныл на одной ноте Михайлович. – Я всего лишь сказал, а он – драться!

Кто что сказал и почему завязалась драка, я так и не успела узнать: после вежливого стука дверь отворилась.

– Варя, – позвал меня знакомый голос. Хорошо, что я сидела. А то б упала. Что это ещё за новости?

– А это Варькин женишок! – злобно выдал Ванька. Мой двоюродный брат, понял?

Варькин?.. Господи, я так ничему их не научу.

– Значит так. Наказаны. Неделю моете полы в классе. Вдвоём. Под моим присмотром. А кто не доволен – родителей в школу. И подумайте над своим поведением. Будете скандалить или кулаками махать – штрафные санкции продлятся на неопределённое время. Спортзал будете мыть. С Владимиром Петровичем я договарюсь.

Что я несу? Что я несу?.. Но эта парочка, кажется, обрадовалась. Переглянулись. Кивнули. И пулей из класса.

– Как ты с ними... – Сергей Александрович смотрит на закрывшуюся за пацанами дверь. – Знал бы, Варя, что ты такая серьёзная и грозная, давно бы женился.

– Сергей Александрович... – пытаюсь на ходу сообразить, что сказать ему и как себя вести.

– Сергей, Варя. Можно Серёжа.

Я шумно выдыхаю воздух.

– Мне надо привыкнуть, – честно признаюсь в планке, через которую сложно переступить.

– Тогда зови меня Шорох, пока адаптируешься, – он улыбается так, что у меня сердце в груди останавливается на миг. Я успела забыть, насколько он притягателен. От бывшего Шороха в нём разве что улыбка и глаза те же. А так он и вырос, и возмужал, и... стал ещё красивее, чем я помню.

– И на «ты», Варя, пожалуйста. А то чувствую себя стариком. Пообедаем? Ты, наверное, голодна.

– Да, – киваю в ответ. – Подожди меня здесь. Я быстро. Журнал отнесу да оденусь.

За дверьми, как часовой, торчит Ванька. Сюрприз.

– Ты хочешь что-то сказать мне, Ваня? – присаживаюсь на корточки и пытаюсь заглянуть мальчишке в глаза. Ванька отрицательно мотает головой. – Тебе домой пора, – поправляю всклокоченные волосы, но он вырывается.

– Хочу с вами, – заявляет этот кусок вечного беспокойства. – За мной не приехали! – и в голосе у него такое торжество, что впору свечи зажигать на именинном торте. – А потом Серж меня домой отвезёт.

– Ну, хорошо, – вздыхаю. – Беги, одевайся. А я поговорю с Сергеем Александровичем. Мы что-нибудь придумаем.

Господин Шорох был немного шокирован, но, помявшись, ничего не сказал. Да пусть бы попробовал. Раз уж так получилось, я Ваньку ни за что не брошу. Впрочем, как и любого другого ребёнка.

Ванька без зазрения совести комфортно устроился на переднем сидении и тут же начал ощупывать и разглядывать машину Сергея.

– Ты удивительная девушка, Варя, – сказал он мне, оборачиваясь. – Честно говоря, я ещё никогда не ходил на свидания вместе с детьми.

– Ну, всё когда-нибудь случается в первый раз, – пожимаю я плечами.

Стоп. Он сказал свидание? И тут меня накрыла паника. И даже не из-за свидания втроём. Всё это мелочи. Потому что на школьной парковке остановился слишком знакомый оранжевый спорткар. Этот-то что здесь забыл?!

Глава 15

Илья

Я злился, как сто драконов вместе. Во-первых, мерзкий осадок остался от того, что я выгнал Тинку. И утро ничего не изменило. Во-вторых, болезнь моя простудная решила задержаться – болела голова и поднялась температура. В-третьих, неожиданно позвонила «мачеха» Саша.

– Илья, пожалуйста, ты не мог бы Ваньку из школы забрать? У меня не получается никак, а уроки скоро заканчиваются. Пожалуйста.

В голосе её было столько отчаяния, что я согласился. Как распоследний дурак. У них там что, водителей мало? Прислуги? Нику могла попросить или Димку. Бабушек или дедушек. Нет, она мне позвонила.

А потом я сообразил, почему так легко и весело согласился. Даже не повыделывался. Варешка. Она Ванькина учительница. Я, кажется, хочу её увидеть. И, может, объясниться. От того, как она ушла, тоже осадок. А у меня ни телефона её, ни координат. Хотя, если поднапрячься, всё это не проблема. Но зачем? Тут нужное само в руки идёт, как картёжнику – хорошая карта.

В школу я опоздал. Понадеялся на «авось», перепутал улицы и приехал в элитную гимназию после того, как закончились уроки. Сашка утверждала, что Ваньку предупредила и брат будет ждать меня в вестибюле. Не учли мы только одного: Ванька и ждать – понятия несовместимые.

– Драконов? – всполошилась бабушка – божий одуванчик на вахте. – Так ушёл вместе с учительницей своей и её женихом. Уехали. Буквально только что.

– Женихом? – кажется, я превратился в быка, перед мордой которого махнули кровавой мулетой.

– Да-да. Он так представился. Лев Моисеевич его лично пропустил. Сказал, его лучший ученик. Очень приятный молодой человек.

– А имя у очень приятного молодого человека есть? – я боялся зубы разомкнуть, чтобы не накричать на старушку.

– Конечно, – заперебирала она суетливо птичьими сухонькими лапками. – Шорох Сергей Александрович. Вы не беспокойтесь, сюда кто попало не ходит. У нас охрана, между прочим.

Как комья грязи на крышку гроба её слова. Ну, точно. Этот хрен же здесь учился. Как и Сашка. Как и Димка в последнем классе. С – стабильность – залог успеха папы Драконова. Всех сюда сплавил. Одного меня сия чаша миновала, слава Богу.

– Всё хорошо, – успокаиваю я всполошившуюся вахтёршу. – Разминулись. Александра Николаевна, видимо, подстраховалась. Знала, что я опаздываю.

Выхожу на улицу, глотаю морозный воздух. То-то мне автомобиль знакомым показался, когда я парковался у школы. Сергей Александрович, мать его. Жених, значит. Всё по плану, судя по всему. И этот старый сводник не остановился, решил и дальше устраивать своих «детишек» только через своё одобрение и царское разрешение. Ну, подождите. Я вам планы поломаю. И эта дурочка наивная. Грёзы детства, любовь всей жизни.

Я стартовал так, что сытые голуби взвились вверх, словно им ядерное топливо в зад влили. Да у меня и у самого под хвостом явно пригорало. Ни мыслить чётко, ни рассуждать здраво.

Я со злости чуть не проехал мимо. Точнее, проехал, а потом сообразил: это ж Шороховская претенциозная тачка стоит у кафе. Решил подкормить бедную училку? Ну, держитесь. Сейчас я вам аппетит испорчу. Это даже хорошо, что они не сразу в драконовское логово поехали. Разберёмся на нейтральной территории.

Они обедают как приличная семейная пара: папа, мама и мелкий драконёныш, что уплетает всё подряд, сверкает глазами и не даёт этим двоим рта раскрыть.

Серёженька не сводит глаз с Варезки. Смотрит призывно, гипнотизирует. А юный неопытный кролик млеет от внимания этого Казановы. Улыбается ему. Ест как птичка. Они на Ваньку – ноль внимания. Зря старается Рыжий. Сидят, как

приворожённые.

– Добрый день всей честной компании! – с наслаждением скребу по полу стулом и падаю на него небрежно. Эти двое очнулись, глядят на меня как на привидение. Рыжий засранец голову в плечи втянул и по стулу начал съезжать. Попался, гад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/noch-_eva/ya-nauchu-tebya-letat

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)